41
3581

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“.

Ф. Лассаль.

СУЩНОСТЬ КОНСТИТУЦІИ.

ДВѢ РѢЧИ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Цѣна 8 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая 39, соб. д.
1905.

441-1-92

2368р. (4·7)

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“.

Ф. Лассаль.

СУЩНОСТЬ КОНСТИТУЦІИ.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Переводъ съ нѣмецкаго.

Цѣна 8 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“.
Б. Подъяческая, д. 39.
1905.

Акт № 3-92 г. (42).

ФБ

6Eh 365

Дозволено цензурою. Одесса, 4 іюня 1905 г.

Б-ка им. Горького
МГУ

441-1-92 пр. 97

~~16575~~

Обменный фонд
Б-ки им. Горького
МГУ

Сущность конституціи.

(Рѣчь первая).

Милостивые государи!

Мнѣ предложили произнесть въ настоящемъ собраніи рѣчь; предметомъ этой рѣчи я выбралъ то, что является наиболѣе животрепещущимъ для настоящаго историческаго момента. Я буду говорить о сущности конституціи—вопросѣ, наиболѣе животрепещущемъ въ наше время.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что мой докладъ будетъ строго научнымъ; тѣмъ не менѣе, вѣрнѣе, какъ разъ поэтому, среди васъ не найдется такого, который не сумѣлъ бы прослѣдить мой докладъ отъ начала до конца или вполнѣ его уразумѣть; и это, господа, потому, что истинная научность—хорошо всегда напоминать объ этомъ —заключается не въ чемъ другомъ, какъ только въ той ясности мышленія, которая, не дѣлая заранѣе никакихъ предпосылокъ, шагъ за шагомъ выводитъ все изъ самой себя и, благодаря именно этому, съ принудительной силой овладѣваетъ умомъ каждаго болѣе или менѣе внимательнаго слушателя. Эта ясность мышленія не требуетъ наличности въ слушателяхъ какихъ либо предвзятыхъ мнѣній; напротивъ, заключаясь, какъ мы уже замѣтили, въ отсутствіи всего заранѣе предположеннаго и, что то же самое, въ выведеніи всего изъ самой себя, она не терпитъ никакихъ предубѣжденій; она терпитъ и требуетъ только одного: слушатели не должны приносить съ

собой никакихъ предвзятыхъ мнѣній, никакихъ прочно засѣвшихъ предразсудковъ; они должны заново изслѣдовать предметъ, хотя бы объ этомъ предметѣ раньше часто говорилось и думалось, изслѣдовать такъ, какъ будто о немъ ничего не извѣстно; однимъ словомъ, они должны, по меньшей мѣрѣ, на время изслѣдованія, отказаться отъ всего того, что привыкли думать о данномъ предметѣ.

Итакъ, я начинаю свой докладъ вопросомъ: что такое конституція? въ чемъ сущность конституціи?

Всякій, господа, говоритъ теперь съ утра до вечера о конституціи; во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ обществахъ, во всѣхъ гостиныхъ говорятъ постоянно о ней; и тѣмъ не менѣе, если я серьезно поставлю мой вопросъ: въ чемъ сущность конституціи, ея понятіе, то боюсь—среди всѣхъ этихъ говорящихъ о конституціи найдется мало такихъ, которые въ состояніи будутъ дать удовлетворительный отвѣтъ. Многіе—конечно—сейчасъ же почувствуютъ необходимость броситься къ своду прусскихъ законовъ, изданныхъ въ 1850 г., и выудить оттуда прусскую конституцію; но вы уже видите, господа, что это вовсе не отвѣтъ на мой вопросъ, такъ какъ то, что стоитъ въ этомъ сводѣ, есть лишь особое содержаніе опредѣленной, именно прусской конституціи, и поэтому совершенно не отвѣчаетъ на вопросъ: что же является сущностью, понятіемъ конституціи вообще.

Если я задамъ мой вопросъ юристу, то онъ отвѣтитъ мнѣ приблизительно слѣдующее: «конституція есть заключенный между королемъ и народомъ договоръ, опредѣляющій основные принципы законодательства и управленія въ данной странѣ», или, быть можетъ, онъ скажетъ нѣсколько общѣе, такъ какъ существуютъ вѣдь и республиканскія конституціи:—«конституціей называется провозглашенный въ странѣ основной законъ, устанавливающій организацію общественнаго права въ данномъ народѣ».

Но всѣ эти или имъ подобныя формально-юридическія опредѣленія такъ же далеки, какъ и первый отвѣтъ, отъ того, чтобы правильно разрѣшить мой вопросъ; всѣ они содержатъ только внѣшнее описаніе того, какимъ образомъ дѣлается конституція и что она дѣлаетъ, но не говорятъ о ея сущности; эти отвѣты даютъ критеріи, признаки, по которымъ внѣшне и юридически познается конституція, но они совершенно не говорятъ о томъ, въ чемъ ея сущность, понятіе; и они оставляютъ насъ поэтому въ полномъ невѣдѣніи относительно того, когда и почему плоха или хороша, возможна или невозможна, долговѣчна или нѣтъ, данная конституція; все это можетъ явствовать лишь изъ понятія конституціи; нужно сначала знать сущность конституціи вообще, чтобы знать затѣмъ, соотвѣтствуетъ ли ей какая либо опредѣленная конституція; но въ этомъ смыслѣ весь вышеуказанный юридическій, внѣшній способъ опредѣленія, одинаково примѣнимый къ любому листу бумаги, который подписанъ націей, или націей и ея королемъ, и который провозглашается конституціей, каково бы ни было его содержаніе, оставляетъ насъ въ полномъ невѣдѣніи; лишь понятіе конституціи вообще—и вы въ этомъ сами убѣдитесь, когда мы его опредѣлимъ—является источникомъ всей мудрости и всего искусства, вложенныхъ въ конституцію, мудрости и искусства, которыя сами собой, какъ бы играя, развиваются изъ этого искомаго нами понятія.

Итакъ, господа, я повторяю мой вопросъ: что такое конституція? въ чемъ ея сущность? Такъ какъ мы этого еще не знаемъ—мы сообща должны найти это и для отысканія мы употребимъ методъ, которымъ вообще хорошо пользоваться, когда дѣло идетъ о полученіи яснаго представленія о какомъ либо предметѣ; этотъ методъ простъ: онъ заключается въ томъ, что предметъ, понятіе котораго должно быть найдено, сравнивается съ какимъ либо другимъ, ему однороднымъ предметомъ, а затѣмъ опредѣляется ясно и рѣзко раздѣляющее ихъ отличіе.

Пользуясь теперь такимъ методомъ, я спрашиваю васъ: въ чемъ заключается различіе между конституціей и закономъ? И конституція и законъ, по существу, очевидно, однородны: конституція должна имѣть силу закона, значитъ, она должна быть также закономъ, но въ то же время она должна быть болѣе, чѣмъ закономъ; существуетъ такимъ образомъ различіе; что такое различіе существуетъ, что конституція не есть просто законъ, но нѣчто большее, ясно видно изъ множества фактовъ. Напримѣръ, вы не считаете сквернымъ, когда появляются новые законы; напротивъ, вы знаете, что является необходимость почти каждый годъ издавать въ большемъ или меньшемъ количествѣ новые законы; однако ни одинъ новый законъ не можетъ быть изданъ безъ того, чтобы не измѣнить существующаго уже законоположенія: вѣдь если бъ этотъ новый законъ не вносилъ никакого измѣненія въ существующее правовое положеніе, то онъ, вообще, былъ бы ненуженъ и, конечно, совсѣмъ не появился бы. Итакъ, вы не считаете дурнымъ измѣненіе законовъ, но, напротивъ, въ общемъ это признается постоянной задачей правительства; но лишь только начинаютъ подбираться къ вашей конституціи, вы приходите въ негодованіе и кричите: затрагиваютъ нашу конституцію! Откуда это различіе? А различіе это настолько неоспоримо, что во многихъ конституціяхъ было даже твердо установлено слѣдующее положеніе: конституція совершенно не можетъ быть измѣнена; или она можетъ быть измѣнена только при согласіи на это $^{2}/_{3}$ всѣхъ законодательныхъ органовъ, или же просто большинства; или, наконецъ, законодательные органы не могутъ, даже въ союзѣ съ другими правительственными органами, измѣнить конституцію; но если, все-таки, правительство рѣшаетъ приступить къ этому, оно должно созвать экстренное, спеціальное всенародное собраніе, которое и рѣшило бы вопросъ объ измѣненіи. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ становится яснымъ то одно обстоятельство, что по общему чувству народовъ конституція должна быть чѣмъ-то еще болѣе святымъ, прочнымъ, неизмѣннымъ, чѣмъ обыкновенный законъ. Итакъ, я

возобновляю свой вопросъ: въ чемъ различіе между конституціей и обыкновеннымъ закономъ? На этотъ вопросъ, обычно, отвѣтятъ, что конституція есть не просто законъ, а основной законъ страны; весьма вѣроятно, господа, что въ этомъ отвѣтѣ скрыто правильное рѣшеніе, но въ очень неясной формѣ: и благодаря этой неясной формѣ отвѣтъ мало помогаетъ намъ, такъ какъ сейчасъ же возникаетъ новый вопросъ: въ чемъ же тогда различіе между законом**ъ** и основным**ъ** закономъ? Вы видите: мы такъ же далеки отъ рѣшенія, какъ и раньше; мы пріобрѣли только новое названіе—основной законъ,—которое намъ абсолютно не помогаетъ, поскольку мы не можемъ сказать, каково же различіе между этимъ основным**ъ** закономъ и всякимъ другимъ.

Попробуемъ подойти къ сути дѣла, изслѣдуя всѣ представленія, которыя возникаютъ при названіи «основной законъ»; другими словами: чѣмъ долженъ отличаться «основной законъ» отъ «просто закона», если онъ, дѣйствительно, хочетъ оправдать свое названіе? Основнымъ закономъ, господа, будетъ называться такой законъ, который леж**и**т**ъ** глубже, чѣмъ всякій другой обыкновенный законъ: на это указываетъ эпитетъ основной; чтобы быть основным**ъ**, законъ долженъ быть основаніем**ъ** всѣхъ другихъ законовъ, т. е., коль скоро онъ является ихъ основаніем**ъ**, постоянно въ нихъ чувствуется, проявляется.

Явленіе, которое имѣетъ опредѣленное основаніе, не можетъ —по произволу—быть такимъ или инымъ; оно должно быть тѣмъ, чѣмъ оно есть; его измѣненія не терпитъ его основаніе; только явленіе не имѣющее основанія, т. е. случайное, можетъ быть такимъ, какимъ оно является передъ нами, и также другимъ; то же, что имѣетъ свое основаніе, по необходимости можетъ быть только такимъ, какимъ оно есть; планеты, напримѣръ, обладаютъ опредѣленными движеніями; это движеніе или имѣетъ причину, его опредѣляющую, или не имѣетъ ея; если таковыхъ причинъ, оснований нѣтъ—то данное движеніе планетъ случайно и въ каждый моментъ можетъ быть инымъ; если же оно имѣетъ свое основаніе (этимъ

основаніемъ является, какъ говорятъ естествоиспытатели, притягательная сила солнца), то этимъ самымъ уже сказано, что данное движеніе планетъ опредѣленной причиной, именно, притягательной силой солнца, установлено и регулируется такъ, что инымъ оно быть не можетъ; такимъ образомъ, въ представленіи о причинѣ, основаніи, лежитъ идея нѣкоторой дѣйствующей необходимости или постоянно дѣйствующей силы, которая съ необходимостью дѣлаетъ это основаніе тѣмъ, чѣмъ оно является.

Итакъ, если конституція составляетъ основной законъ страны, то—здѣсь,господа, просвѣчиваютъ первые лучи истины;—она должна быть чѣмъ-то такимъ, что мы должны опредѣлить подробнѣе, или, какъ мы пока нашли, должна быть постоянно дѣйствующей силой, которая съ необходимостью дѣлаетъ тѣмъ, чѣмъ они являются, всѣ другіе законы и всѣ правовыя учрежденія данной страны, такъ что съ этихъ поръ въ странѣ не могутъ издаваться никакіе законы, кромѣ этихъ.

Но есть ли въ странѣ что нибудь, господа,—при этомъ вопросѣ начинаетъ постепенно проникать полный свѣтъ правды въ наше изслѣдованіе—есть ли въ странѣ что нибудь такое, какая нибудь такая опредѣляющая, постоянно дѣйствующая сила, которая вліяла бы на всѣ законы, издаваемые въ странѣ, такъ, чтобы они въ извѣстныхъ предѣлахъ были необходимо такими, какими они являются, а не иными?

Да, конечно, господа, есть нѣчто такое, и это нѣчто есть не то иное, какъ фактическое соотношеніе силъ, существующее въ данномъ обществѣ.

Эти реальныя соотношенія силъ, существующія въ каждомъ обществѣ, и являются той постоянно дѣйствующей силой, которая опредѣляетъ собой всѣ законы и всѣ правовыя учрежденія даннаго общества такъ, что въ существенныхъ чертахъ они могутъ быть только такими, какими они бываютъ.

Спѣшу пояснить мои разсужденія осязательнымъ, такъ сказать, примѣромъ. Этотъ примѣръ, въ той формѣ,

въ какой я его ставлю, правда, совершенно невозможенъ. Но, не говоря уже о томъ, что позднѣе станетъ, быть можетъ, яснымъ, какъ возможенъ этотъ примѣръ въ нѣсколько иной формѣ, дѣло вовсе не въ томъ, сдѣлается ли нашъ примѣръ дѣйствительностью или нѣтъ, а только въ томъ, чему мы на немъ хотимъ научиться; дѣло сводится къ изученію природы явленій, которая могла бы обнаружиться, если бы примѣръ нашъ сдѣлался фактомъ.

Вы знаете, господа, что въ Пруссіи силу закона имѣетъ лишь то, что публикуется въ сводѣ законовъ. Этотъ сводъ законовъ печатается въ придворной типографіи Декера. Оригиналы законовъ хранятся въ извѣстныхъ государственныхъ архивахъ; въ другихъ архивахъ, библіотекахъ и магазинахъ находятся отпечатанные экземпляры свода законовъ.

Предположите теперь, что произошелъ громадный пожаръ, вродѣ гамбургскаго, и что всѣ государственные архивы, всѣ библіотеки, магазины, декеровская придворная типографія, сгорѣли; предположите, что, по странному стеченію обстоятельствъ, то же самое случилось во всѣхъ другихъ городахъ монархіи; сгорѣли, наконецъ, частныя библіотеки, въ которыхъ находились собранія законовъ: во всей Пруссіи, такимъ образомъ, не существовало болѣе ни одного закона въ достовѣрной формѣ.

Вслѣдствіе этого несчастія страна лишилась бы всѣхъ своихъ законовъ, и ей не оставалось бы ничего иного, какъ составить новые.

Думаете ли вы, господа, что при такихъ обстоятельствахъ можно было бы по собственному произвольному желанію творить новые произвольные законы? Хотѣлъ бы я посмотрѣть!

Или, предположимъ, вы говорите: «Насъ 18 милліоновъ пруссаковъ; въ числѣ этихъ 18 милліоновъ—ничтожно малое количество крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ; мы не понимаемъ, почему это столь незначительное количество крупныхъ землевладѣльцевъ должно оказывать такое же вліяніе, какъ всѣ 18 милліоновъ вмѣстѣ, вліяніе, выражающееся въ томъ, что эти

дворяне образуютъ палату господъ, которая обсуждаетъ рѣшенія палаты депутатовъ, выбранной всей націей, и отбрасываетъ ихъ, если они, эти рѣшенія, на что либо годятся». Положимъ, вы говорите такъ и при этомъ добавляете: «Мы всѣ—«господа» и не хотимъ никакой особой палаты господъ».

Конечно, эти дворяне не смогли бы направить противъ васъ своихъ крестьянъ; напротивъ, у нихъ было бы, вѣроятно, много хлопотъ съ тѣмъ, чтобы сначала самимъ спастись отъ крестьянъ; но зато эти крупные землевладѣльцы-дворяне всегда имѣли и имѣютъ большое вліяніе при дворѣ и у короля и, благодаря этому, они сумѣли бы двинуть противъ васъ войска и пушки, какъ если-бъ эти силы были въ ихъ непосредственномъ распоряженіи.

Вы видите, господа, дворянство, вліяющее на дворъ и на короля, есть часть конституціи.

Предположимъ теперь обратный случай: король и дворянство рѣшили снова ввести средневѣковой цеховой строй и не только въ мелкомъ производствѣ, какъ это пытались уже отчасти сдѣлать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но ввести въ такомъ видѣ, въ какомъ это было въ средніе вѣка, т. е. для всего производства въ обществѣ, какъ мелкаго, такъ и крупнаго—фабричнаго, машиннаго. Вамъ извѣстно, господа, что при средневѣковомъ цеховомъ устройствѣ крупный капиталъ не могъ производить, а крупное, машинное фабричное производство совершенно не могло существовать; согласно этой цеховой системѣ, всюду, напримѣръ, существовали установленныя закономъ перегородки для различныхъ, даже родственныхъ другъ другу, отраслей производства, и никакой промышленникъ не долженъ былъ соединять двѣ такія отрасли; штукатурщикъ, напримѣръ, не долженъ былъ замазывать дыръ; между кузнецами и слесарями тянулись тогда безконечные процессы о границахъ ихъ ремеслъ, набойщикъ ситца не могъ взять на работу красильщика; при цеховой системѣ производства было также точно урегулировано закономъ то количество продукта, которое производитель имѣлъ право создать; въ то же время въ каждомъ

нѣстѣ, въ каждой отрасли производства, каждый мастеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи одинаковое, закономъ опредѣленное количество рабочихъ силъ. Вы видите, что уже по этимъ двумъ причинамъ крупное производство, производство машинами, системой машинъ, не могло бы и дня просуществовать при цеховой системѣ, ибо это крупное производство требуетъ, какъ своего, такъ сказать, воздуха: 1) соединенія самыхъ различныхъ отраслей производства въ рукахъ одного и того же крупнаго капитала; 2) производства массами и свободную конкурренцію, т. е., значитъ, неограниченную въ своемъ количествѣ эксплуатацію рабочихъ силъ.

Что произошло бы, если бы все-таки захотѣли ввести въ наше время цеховой строй?

Господа Борзигъ, Эгельсъ и др. крупные фабриканты ситца, шелка и т. д. закрыли бы свои фабрики и распустили бы рабочихъ; то же самое принуждены были бы сдѣлать также директіи желѣзныхъ дорогъ; торговля и промышленность стали бы; громадное число ремесленниковъ отпустило бы, отчасти по необходимости, отчасти добровольно, своихъ подмастерьевъ; вся эта безконечная масса народа, волнуясь, бродила бы по улицамъ, требуя хлѣба и работы; за ея спиной стояла бы крупная буржуазія, воспламеняя ее вліяніемъ, ободряя своимъ значеніемъ, помогая своими деньгами,— и возгорѣлась бы борьба, въ которой побѣда ни въ коемъ случаѣ не могла бы остаться на сторонѣ войска.

Вы видите, господа, — Борзигъ, Эгельсъ, вообще крупные промышленники являются частью конституціи.

Представьте теперь себѣ, что правительство захотѣло бы предпринять какія нибудь такія мѣры, которыя рѣшительно вредны интересамъ крупныхъ банкировъ: ну, напримѣръ, оно заявило бы, что королевскій банкъ не долженъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь, предоставлять удешевленный кредитъ крупнымъ банкирамъ-капиталистамъ, которые и безъ того располагаютъ всѣми деньгами и всѣмъ кредитомъ и которые одни только въ наше время могутъ дисконтировать въ банкѣ на свои подписи, т. е. получать тамъ кредитъ; правитель-

ство заявило бы, что королевскій банкъ долженъ сдѣлать кредитъ вполнѣ доступнымъ небогатому, среднему и даже совсѣмъ бѣдному человѣку; поэтому банкъ должно организовать такъ, чтобы цѣль эта достигалась. Какъ вы думаете, пошло бы это дѣло?

Конечно, не произошло бы никакого возстанія, но, тѣмъ не менѣе, для теперешняго правительства это было бы невозможно. Вы знаете, господа, что время отъ времени правительство наше начинаетъ нуждаться въ столь колоссальныхъ суммахъ денегъ, что оно не рѣшается добыть ихъ въ формѣ налоговъ; въ такихъ случаяхъ оно находитъ выходъ въ поѣданіи будущихъ средствъ, т. е. оно дѣлаетъ займы и выдаетъ за это государственныя бумаги; вотъ тутъ и нужны банкиры; конечно, съ теченіемъ времени большая часть государственныхъ бумагъ снова попадаетъ въ руки всего имущаго класса націи и мелкихъ раньше, но для этого нужно время, часто продолжительное; правительство же требуетъ денегъ сейчасъ и сразу или въ продолженіе лишь нѣсколькихъ короткихъ сроковъ; съ этою цѣлью оно прибѣгаетъ къ посредникамъ, которые даютъ ему всѣ нужныя деньги и берутъ на себя постепенный сбытъ государственныхъ бумагъ, получаемыхъ за деньги, въ широкой публикѣ; при этомъ посредники пользуются барышомъ съ повышенія на курсѣ, которое искусственно создается бумагами на биржѣ; этими посредниками и являются банкиры, и потому правительство не можетъ въ наши дни портить съ ними своихъ отношеній.

Вы видите, господа, — банкиры Мендельсонъ, Шиклеръ, вообще биржа представляютъ изъ себя часть конституціи.

Представимъ себѣ, что правительство захотѣло, напримѣръ, издать уголовный законъ, который, на подобіе китайскаго закона, наказываетъ за воровство, совершенное кѣмъ нибудь, его отца; и, конечно, законъ этотъ не могъ бы существовать, такъ какъ противъ него сильно ополчилась бы общая культурность, общее сознаніе: всѣ государственные чиновники и тайные совѣтники всплеснули бы руками, и даже члены палаты

господъ протестовали бы противъ этого; такимъ образомъ, вы видите, господа, что въ извѣстныхъ предѣлахъ общая культурность, общее сознаніе тоже являются частью конституціи.

Или предположите, что правительство рѣшило удовлетворить дворянство, банкировъ, крупныхъ промышленниковъ и капиталистовъ, но зато отнять у мелкой буржуазіи и рабочихъ ихъ политическую свободу. Удалось бы это, господа? О, несомнѣнно, на время это удалось бы; мы уже видѣли, что это удается, и ниже будемъ имѣть еще случай взглянуть на это.

Ну, а теперь представимъ себѣ такой случай: у этой мелкой буржуазіи и рабочихъ хотятъ отнять не только политическую, но и личную свободу, т. е. хотятъ объявить ихъ лично несвободными, подвластными, крѣпостными, какъ это было въ дѣйствительности во многихъ странахъ въ далекія, далекія столѣтія средневѣковья. Могло бы это быть? Нѣтъ и нѣтъ,—если бы даже для этого соединились король, дворянство и вся крупная буржуазія. Въ этомъ случаѣ вы всѣ сказали бы: «Мы скорѣе позволимъ убить себя, чѣмъ потеряемъ это»,—рабочіе, и безъ закрытія Берзиномъ и Эгельсомъ своихъ фабрикъ, вышли бы на улицы, вся мелкая буржуазія пришла бы имъ на помощь, и было бы страшно трудно побѣдить это соединенное сопротивленіе; вы видите, господа, что въ извѣстныхъ, самыхъ крайнихъ случаяхъ, и вы всѣ являете изъ себя часть конституціи.

Итакъ, господа, мы теперь увидѣли, что именно является конституціей страны: конституціей являются фактическія соотношенія ея общественныхъ силъ.

Какъ же обстоитъ дѣло съ тѣмъ, что обычно зовется конституціей, съ конституціей правовой? Но, конечно, вы уже сами видите теперь, въ чемъ тутъ суть.

Эти фактическія соотношенія силъ записываютъ на бумагѣ, придаютъ имъ письменное выраженіе, и какъ только они записаны, они уже являются не только реальными соотношеніями силъ, но и правомъ, правовыми учрежденіями, и кто противится имъ, наказуется.

Вамъ будетъ теперь само собой понятно и то, какъ совершаютъ это переписываніе на бумагу фактическихъ соотношеній силъ, превращая ихъ, такимъ образомъ, въ правовыя. На бумагѣ не пишутъ: г. Борзигъ—часть конституціи, г. Мендельсонъ—часть конституціи, но выражаютъ это въ гораздо болѣе тонкой формѣ: если, напримѣръ, хотятъ установить, что небольшое число крупныхъ промышленниковъ и капиталистовъ должно обладать въ монархіи такой же силой или даже большей, чѣмъ вся остальная буржуазія, рабочіе и крестьяне, вмѣстѣ взятые, то побоятся написать это въ ясной, ничѣмъ не прикрытой формѣ; для этой цѣли издадутъ законъ, какъ, напримѣръ, преподнесенный законъ 1849 г. относительно трехклассной системы выборовъ, законъ, по которому всѣ избиратели дѣлятся на три класса, сообразно величинѣ платимыхъ ими налоговъ, опредѣляемой, конечно, размѣромъ ихъ состоянія.

Согласно оффиціальнымъ спискамъ, которые были составлены правительствомъ въ 49 г. послѣ изданія трехкласснаго избирательнаго закона, во всей Пруссіи насчитывалось тогда:

3.255.600 первоначальныхъ избирателей, которые слѣдующимъ образомъ распадались на три избирательныхъ класса:

Къ первому классу во всей Пруссіи принадлежало . .	153.808	избирателей
Ко второму	409.945	»
Къ третьему	2.691.950	»

Я повторяю, господа, что цифры эти взяты изъ оффиціальныхъ списковъ.

Мы видимъ изъ нихъ, что 153.808 очень богатыхъ людей обладаютъ въ Пруссіи той же политической силой, какъ и 2.691.950 бюргеровъ, крестьянъ и рабочихъ въ совокупности; далѣе, что эти 153.808 очень богатыхъ людей и 409.945 людей съ среднимъ состояніемъ (послѣдніе образуютъ второй избирательный классъ) имѣютъ въ своихъ рукахъ политическую силу, вдвое большую силы, находящейся въ рукахъ всей остальной націи; мы видимъ, что 153.808 очень богатыхъ и лишь

половина избирателей второго класса имѣютъ уже больше политической власти, чѣмъ другая половина умѣренно богатыхъ второго класса и 2.691.950 избирателей третьяго класса въ совокупности.

Вы видите отсюда, господа, что вышеуказаннымъ способомъ достигается такой же результатъ, какъ если бы просто, въ грубыхъ выраженіяхъ, въ конституціи написали: богатый долженъ имѣть въ 17 разъ больше политической силы, чѣмъ всякій другой гражданинъ, или столько же, сколько 17 другихъ гражданъ.

Прежде, чѣмъ былъ изданъ этотъ законъ о трехклассной системѣ выборовъ, существовало уже, согласно закону 8апрѣля 1848г., о б щ е е избирательное право, которое за каждымъ гражданиномъ, богатымъ или бѣднымъ — безразлично, признавало о д и н а к о в о е избирательное право, а такимъ образомъ, и о д и н а к о в у ю, политическую возможность участвовать въ опредѣленіи воли и цѣлей государства. Вы видите, господа, что это обстоятельство оправдываетъ то, что я раньше сказалъ, именно, то, что у васъ, бюргеровъ и рабочихъ очень легко, къ сожалѣнію, отнять вашу п о л и т и ч е с к у ю свободу, если только не отнимать при этомъ р а д и к а л ь н о и н е п о с р е д с т в е н н о ваши л и ч н ы я блага, ваше тѣла, вашу собственность: вѣдь вы же позволили снять у себя безъ всякаго труда избирательное право, и до сихъ поръ мнѣ ничего не извѣстно объ агитаціи за его возвращеніе.

Пойдемъ далѣе. Если хотятъ упрочить въ конституціи положеніе, по которому небольшое число дворянъ-землевладѣльцевъ одно должно имѣть въ своихъ рукахъ столько же политической власти, сколько всѣ богатые, зажиточные и неимущіе вмѣстѣ, сколько, значитъ, избиратели всѣхъ трехъ классовъ, т. е. вся нація въ совокупности, то опять-таки поостерегутся сказать это въ выраженіяхъ непросвѣщенныхъ, ибо— замѣтьте, господа, разъ навсегда — все ясное всегда «непросвѣщенно», но просто напишутъ въ конституціи: «изъ представителей стараго, родовитаго землевладѣнія

съ нѣкоторыми несущественными дополненіями должна быть образована палата господъ, согласіе которой необходимо для дѣйствительности рѣшенія палаты депутатовъ, представляющей всю націю»; этимъ, конечно, горсти родовитыхъ землевладѣльцевъ предоставляется политическая власть взвѣшивать даже единогласное рѣшеніе націи и всѣхъ ея классовъ.

Наконецъ, если хотятъ, чтобы король самъ, единолично, обладалъ такой же или гораздо большей политической властью, чѣмъ всѣ три класса избирателей, чѣмъ вся нація, даже съ прибавленіемъ дворянъ-землевладѣльцевъ, то поступаютъ такъ:

Въ 47 ст. конституціи пишутъ: «Король назначаетъ на всѣ мѣста въ арміи», а въ ст. 108 говорятъ: «армія не присягаетъ конституціи»; рядомъ съ этой послѣдней статьей строятъ теорію, дѣйствительно находящую въ ней свое принципіальное обоснованіе, теорію, по которой король въ отношеніи своемъ къ арміи занимаетъ совсѣмъ особое положеніе, отличное отъ того, какое онъ занимаетъ по отношенію ко всѣмъ другимъ государственнымъ учрежденіямъ, что для арміи онъ— не только король, но нѣчто еще совсѣмъ другое, особенное, полное тайны, неизвѣстное, для чего изобрѣтается слово „военный государь“ (Kriegsherr); какъ слѣдствіе всего этого, палата депутатовъ или нація совершенно не должны думать объ арміи, заниматься ея дѣлами и организаціей, но должны лишь вотировать для нея деньги; и нужно сознаться—господа, правда, прежде всего—что теорія эта имѣетъ, какъ я уже сказалъ, свое извѣстное основаніе въ 108 ст. конституціи; вѣдь если конституція опредѣляетъ, что армія не присягаетъ, какъ это обязаны дѣлать всѣ слуги государства и самъ король конституціи, то этимъ самымъ, по меньшей мѣрѣ въ принципѣ, сказано, что армія стоитъ внѣ конституціи и ничего общаго съ ней не имѣетъ, что она имѣетъ отношеніе исключительно лишь къ особѣ короля, но ни въ коемъ случаѣ не къ странѣ.

Лишь только достигнуто то, что король распоряжается всѣми мѣстами въ арміи, а она занимаетъ по

отношенію къ нему особое положеніе, то онъ получаетъ въ свои руки политическую власть, не только равную власти всей страны въ совокупности, но даже въ десять разъ большую, если даже въ дѣйствительности фактическая сила страны въ десять, двадцать, пятьдесятъ разъ больше силы арміи. Основаніе этого кажущагося противорѣчія очень просто.

Средство политическаго могущества короля войско, армія — организовано, въ каждый моментъ въ сборѣ, прекрасно дисциплинировано и ежеминутно готово двинуться; напротивъ, сила, скрытая въ націи, если она фактически и безконечно больше,—неорганизована; воля націи и, особенно, степень той рѣшимости, которой достигла эта воля, не всегда легко доступны для познанія членамъ націи: никто поэтому точно не знаетъ, сколько единомышленниковъ онъ могъ бы найти; къ тому же у націи нѣтъ тѣхъ инструментовъ организованной силы, тѣхъ столь важныхъ основъ конституціи, о которыхъ уже было говорено—нѣтъ, именно, пушекъ; пушки эти заводятся, правда, на деньги гражданъ; онѣ изготовляются и совершенствуются благодаря наукамъ, которыя развиваетъ само общество, благодаря физикѣ, техникѣ и т. д.; одно ихъ существованіе уже является, такимъ образомъ, показательствомъ того, какъ велика сила буржуазнаго общества, какъ великъ прогрессъ въ наукѣ, техническихъ искусствахъ, фабричномъ и вообще, промышленномъ производствѣ всякаго рода, но здѣсь-то и подходитъ вергиліевскій стихъ:

— „Творишь ты, но не для себя“!—Такъ какъ пушки изготовляются всегда лишь для организованной силы, то страна знаетъ, что въ конфликтѣ она встрѣтитъ врагами эти дѣтища, этихъ свидѣтелей своей мощи. Эти вотъ основанія и приводятъ къ тому, что меньшая, но зато организованная сила арміи часто, въ теченіе продолжительнаго времени, можетъ господствовать надъ гораздо большей, но неорганизованной силой націи, господствовать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, при продолжительномъ веденіи и управленіи дѣлами націи въ смыслѣ, противоположномъ ея волѣ и интересамъ, по-

слѣдняя рѣшается противопоставить организованной силѣ свой неорганизованный перевѣсъ.

Мы увидѣли, такимъ образомъ, господа, что представляютъ изъ себя объ конституціи страны, ея дѣйствительная конституція, т. е. реальныя фактическія соотношенія общественныхъ силъ, и писаная конституція, которую въ отличіе отъ первой мы можемъ назвать, ну, что ли, листомъ бумаги.

Реальную, дѣйствительную конституцію, какъ вамъ станетъ это яснымъ само собой, имѣла и имѣетъ любая страна въ любое время, и нѣтъ ничего болѣе ложнаго и ведущаго къ противоположнымъ заключеніямъ, чѣмъ широко распространенное, господствующее мнѣніе, что конституція является исключительной особенностью современной эпохи. Напротивъ, каждая страна необходимо обладаетъ реальной конституціей, подобно тому, какъ необходимо обладаетъ какой либо конституціей, т. е. извѣстнымъ складомъ, соотношеніемъ элементовъ хорошимъ или плохимъ, такъ или иначе устроеннымъ, каждое тѣло, каждый организмъ; вѣдь должны же въ каждой странѣ существовать какія нибудь реальныя соотношенія силъ!

Когда во Франціи, задолго до французской революціи прошлаго вѣка, во времена абсолютной монархіи, Людовикъ XVI декретомъ 3-го февраля 1776 г. уничтожилъ дорожную повинность, по которой крестьяне обязаны были безплатно заниматься дорожными работами, и взамѣнъ того, для покрытія расходовъ по устройству дорогъ, ввелъ земельный налогъ, падавшій также на дворянскія земли, французскій парламентъ, противясь этому закону, заявилъ: „Le peuple de France est taillable et corvéable à volonté, c'est une partie de la constitution que le roi ne peut changer", т. е. „французскій народъ, именно непривилегированные классы, чернь, можетъ быть обложенъ податями и повинностями по желанію: это положеніе есть часть конституціи, которую король не имѣетъ права измѣнять".

Вы видите, господа, что и тогда, какъ теперь, говорили о конституціи и даже такой, которую король не можетъ измѣнять. То, что выдавалось здѣсь за кон-

стиуцію, именно то, что низшіе классы народа по произволу и прихоти могутъ быть облагаемы податями и повинностями, не было, конечно, написано въ какомъ нибудь особомъ документѣ, въ которомъ были бы собраны всѣ права страны и всѣ наиболѣе важные принципы государственнаго управленія,—это было, прежде всего, простымъ выраженіемъ реальныхъ соотношеній общественныхъ силъ средневѣковой Франціи; низшіе классы были въ средніе вѣка въ дѣйствительности такъ безсильны, что можно было совершенно произвольно налагать на нихъ подати и повинности; сообразно съ такими фактическими соотношеніями силъ обыкновенно и поступалось: народъ постоянно, по произволу, былъ обременяемъ налогами и повинностями; этотъ фактическій ходъ вещей далъ право на существованіе такъ называемымъ прецедентамъ, которые въ средніе вѣка сыграли столь важную роль въ конституціонныхъ вопросахъ въ Англіи и во всѣхъ другихъ странахъ. Въ фактическомъ отягощеніи народа часто и высказывался фактъ, что народъ можетъ быть такъ отягощаемъ; это и не могло быть иначе. Высказанный фактъ этотъ дѣлался затѣмъ государственно-правовымъ принципомъ, на который и ссылались въ подобныхъ случаяхъ; часто такое какому либо особому обстоятельству, коренившемуся въ фактическихъ соотношеніяхъ силъ, придавалось особенное выраженіе и признаніе и на пергаментѣ; это повело къ существованію такъ называемыхъ franchises—вольностей, правъ, привилегій, сословныхъ, цеховыхъ, мѣстныхъ статутовъ и т. п.

Всѣ эти факты, прецеденты, государственно-правовые принципы, пергаменты вольности, статуты, привилегіи въ совокупности составляли конституцію страны и въ этой совокупности являлись не чѣмъ инымъ, какъ только простымъ выраженіемъ реальныхъ соотношеній силъ, существовавшихъ въ странѣ.

Итакъ, господа, реальную конституцію имѣетъ каждая страна, имѣла ее во всякое время; дѣйствительно же характернымъ для современной эпохи являются — и въ высшей степени важно постоянно подчеркивать это

самымъ рѣзкимъ образомъ—не реальныя, а писанныя конституціи или листы бумаги.

Дѣйствительно, въ новое время, во всѣхъ почти государствахъ мы замѣчаемъ сильное стремленіе пріобрѣсти писанную конституцію, которая въ одномъ документѣ, на листѣ бумаги, должна охватить и утвердить всѣ учрежденія и правительственные принципы страны.

Откуда это характерное стремленіе послѣдняго времени? Это опять является очень важнымъ вопросомъ, и лишь изъ отвѣта на него можно узнать, какимъ образомъ нужно дѣйствовать при составленіи конституціи, гдѣ нужно думать о готовыхъ уже конституціяхъ и какъ къ нимъ относиться; короче говоря. лишь изъ отвѣта пріобрѣтаются нами все искусство и вся мудрость, необходимыя при составленіи конституціи.

Итакъ, я спрашиваю: откуда берется характерная особенность новаго времени—стремиться къ достиженію писанныхъ конституцій? Въ чемъ же, господа, можетъ заключаться причина этого явленія?

Конечно, въ томъ, что въ дѣйствительномъ соотношеніи силъ, существующемъ въ данныхъ обществахъ, произошли измѣненія; если бы никакого такого измѣненія не наступило, если бъ соотношеніе силъ общества оставалось старымъ, то было бы совершенно невозможно, немыслимо, чтобъ это общество почувствовало необходимость въ новой конституціи; оно осталось бы при старой; въ крайнемъ случаѣ, оно собрало бы разсѣянныя ея части въ одинъ документъ.

Какъ же наступаетъ это измѣненіе въ реальныхъ соотношеніяхъ общественныхъ силъ?

Представьте себѣ, напримѣръ, средневѣковое государство, слабо населенное (такими были тогда почти всѣ государства), управляемое королемъ и имѣющее дворянство, которому принадлежитъ большая часть земли въ странѣ. Вслѣдствіе рѣдкости населенія лишь очень незначительная часть его можетъ быть въ распоряженіи у промышленности и торговли; вся же остальная,

гораздо большая часть, нужна еще для обработыванія земли, для производства необходимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Такъ какъ почти вся земля находится въ рукахъ дворянства, то населеніе это находитъ себѣ занятіе у него, стоя къ нему въ различныхъ отношеніяхъ: отношеніяхъ вассаловъ, крѣпостныхъ, наслѣдственныхъ арендаторовъ и т. д.; но всѣ эти формы отношеній сводятся къ одной формѣ—зависимости населенія отъ дворянства, выражающейся въ необходимости нести вассальную службу и принимать заодно съ дворянствомъ участіе въ ихъ войнахъ, распряхъ. На излишекъ отъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые онъ собираетъ съ своихъ имѣній, дворянинъ содержитъ въ своихъ замкахъ еще оруженосцевъ, всадниковъ и воиновъ всякаго рода.

Съ своей стороны, государь не можетъ въ сущности противопоставить этой силѣ дворянства никакую другую дѣйствительную силу, кромѣ помощи тѣхъ дворянъ, которые выказываютъ доброе желаніе—принудить ихъ ему трудно—послѣдовать призыву стать подъ его знамена, да еще совсѣмъ не стоящую вниманія силу немногихъ и въ высшей степени слабо населенныхъ городовъ.

Каковы же, господа, будутъ свойства конституціи подобнаго государства? Несомнѣнно, они вытекаютъ съ необходимостью изъ тѣхъ дѣйствительныхъ соотношеній силъ этого государства, какія мы только что разсмотрѣли.

Конституція будетъ сословная, дворянство будетъ первымъ, во всѣхъ смыслахъ господствующимъ сословіемъ: государь безъ его согласія не сможетъ наложить ни одной копейки податей; болѣе того—онъ будетъ по отношенію къ дворянамъ лишь primus inter pares—лишь первый между равными.

И, въ самомъ дѣлѣ, такой конституціей, господа, была въ средніе вѣка конституціи Пруссіи и большинства другихъ государствъ.

Теперь представьте себѣ такой случай: населеніе все болѣе и болѣе возрастаетъ, расцвѣтаютъ промышленность и ремесла и тѣмъ самымъ даютъ необходи-

мыя средства существованія для новаго возрастающаго народонаселенія, которое начинаетъ заполнять города. Капиталъ и денежное богатство начинаютъ развиваться въ рукахъ буржуазіи и городскихъ цеховъ, гильдій.

Что теперь произойдетъ?

Возрастаніе городского населенія, независимаго отъ дворянства и даже противоположнаго ему по своимъ интересамъ, прежде всего на руку государю; оно увеличиваетъ число способныхъ носить оружіе людей, которыми государь можетъ располагать: благодаря субсидіямъ горожанъ и промысловъ (много терпя отъ постоянныхъ дворянскихъ распрей, они должны желать, въ интересахъ торговли и производства, гражданскаго спокойствія и безопасности, правильнаго правосудія въ странѣ и потому охотно поддерживаютъ государя людьми и деньгами), государь можетъ, какъ только онъ почувствуетъ въ этомъ нужду, навербовать порядочное войско, далеко превосходящее силой своей силу сопротивляющихся дворянъ. И тогда государи начнутъ все болѣе и болѣе ограничивать силу дворянства, отнимать у него право вести войны, разрушать его замки въ случаѣ нарушенія имъ законовъ; наконецъ, когда съ теченіемъ времени, благодаря промышленности, денежное богатство и населеніе страны разовьются настолько, что дадутъ государю возможность образовать постоянную армію, государь двинетъ полки противъ собранія чиновъ, какъ великій курфюрстъ, или какъ Фридрихъ-Вильгельмъ I съ его словами: „J'établerai die Souveränetät wie einen rocher de bronze“, [1]) уничтожитъ податную льготность дворянства и положитъ конецъ праву его утверждать налоги.

Вы видите, господа, какъ здѣсь съ измѣненіемъ реальныхъ соотношеній силъ произошло измѣненіе конституціи:—образовалась абсолютная монархія.

Государю, при этомъ, вовсе нѣтъ необходимости писать новую конституцію; государь имѣетъ въ своихъ ру-

---

[1]) Я сдѣлаю свою независимость прочной, какъ скала.

какъ реальныя дѣйствительныя средства власти, именно постоянную армію, которая составляетъ дѣйствительную конституцію этого общества; съ теченіемъ времени государь и его партія сами высказываютъ это, называя страну „военнымъ государствомъ“.

Дворянство совсѣмъ уже не въ состояніи соперничать съ государемъ и давно принуждено было прекратить содержаніе своей собственной военной силы; оно позабыло свое старое противодѣйствіе государю, позабыло, что оно, дворянство, было равно ему, удалилось большею частью изъ своихъ прежнихъ замковъ въ резиденцію, получая тамъ пенсіи и увеличивая блескъ и значеніе государя.

Между тѣмъ промышленность и ремесла непрерывно развиваются; съ ихъ развитіемъ растетъ все болѣе и болѣе населеніе. Кажется, какъ будто этотъ прогрессъ попрежнему долженъ быть на руку лишь государю, который, благодаря этому, можетъ постоянно увеличивать свое войско и достигнуть, наконецъ, мірового положенія.

Но, въ концѣ концовъ, наступаетъ столь огромное, колоссальное развитіе буржуазнаго общества, что государь не въ состояніи болѣе, даже посредствомъ своей постоянной арміи, идти нога въ ногу съ этимъ развитіемъ силъ буржуазіи.

Нѣсколько цифръ, господа, сдѣлаютъ для васъ все вышесказанное вполнѣ яснымъ.

Въ 1657 г. Берлинъ имѣлъ 20.000 жителей. Приблизительно въ то же время, къ смерти великаго курфюрта, армія состояла изъ 24.000—30.000 человѣкъ.

Въ 1803 г. въ Берлинѣ было уже 153.070 жителей, въ 1819 г., шестнадцать лѣтъ спустя, 192.646 ч.; въ этомъ же 1819 г. постоянное войско—вы знаете, что къ нему, согласно существующему еще закону отъ сентября 1814 г., закону, который, правда, теперь отнятъ у насъ, не причислялось народное ополченіе — состояло изъ 137.639 ч.

Какъ видите, постоянная армія увеличилась теперь болѣе, чѣмъ въ 4 раза, сравнительно съ ея величиной во время великаго курфюрста.

Но количество берлинскаго населенія возросло за то же время болѣе, чѣмъ въ 9 разъ.

И вотъ начинается совсѣмъ другое развитіе.

Въ 1846 г. населеніе Берлина—данныя исключительно оффиціальныя—состояло изъ 389.308, т. е. приблизительно 400.000 человѣкъ, значитъ, было въ два раза больше, чѣмъ въ 1819 г. Въ 27 лѣтъ населеніе города увеличилось болѣе, чѣмъ въ два раза: теперь, какъ вы знаете, оно доходитъ до 550.000 ч.

Напротивъ,—постоянная армія состояла въ 1846 г. лишь изъ 138.810 человѣкъ, насчитывая въ 1819 г. 137.639 ч.; такимъ образомъ она оставалась по количеству почти неизмѣнной, далекая отъ того, чтобы сопутствовать колоссальному развитію буржуазіи.

Сообразно съ такимъ громаднымъ своимъ развитіемъ, буржуазія начинаетъ чувствовать себя самостоятельной политической силой. Рука объ руку съ развитіемъ населенія идетъ еще болѣе огромное развитіе общественнаго богатства; быстро прогрессируютъ науки и общее образованіе общественнаго сознанія, также являющагося, какъ мы уже говорили, частью конституціи. Буржуазія заявляетъ теперь: „я не хочу быть болѣе управляемой массой, не имѣющей собственной воли; я хочу господствовать, а государь можетъ управлять мною и вести мои дѣла, лишь сообразно съ моей волей, моими желаніями“.

Короче говоря, господа, реальныя, дѣйствительныя соотношенія силъ, существующія въ данной странѣ, снова измѣнились. Другими словами: въ обществѣ наступило 18 марта 1848 г.

Здѣсь вы видите, господа, какъ въ дѣйствительности произошло именно то, что мы въ началѣ нашего изслѣдованія взяли, какъ примѣръ, совершенно невозможный въ жизни; мы предположили тогда, что общество лишилось всѣхъ своихъ законовъ благодаря пожару; въ указанномъ нами случаѣ они погибли не отъ пожара, а отъ бури:

„Народъ возсталъ; разразилась буря“.

Если въ обществѣ произошла побѣдоносная революція, то продолжаетъ существовать лишь частное право; всѣ же законы публичнаго права теряютъ всякую силу или имѣютъ лишь временное значеніе, а потому должны быть созданы новые законы.

Такимъ образомъ появляется необходимость въ новой писанной конституціи, и самъ король созываетъ въ Берлинѣ національное собраніе для того, чтобы установить, какъ это говорилось сначала, новую писанную конституцію или согласовать ее съ нимъ, королемъ, какъ это говорилось позже.

Когда же хороша и долговѣчна какая либо писанная конституція?

Да, конечно, лишь въ одномъ томъ случаѣ, когда она соотвѣтствуетъ дѣйствительной конституціи, т. е. реальнымъ, существующимъ въ странѣ соотношеніямъ силъ; таковъ долженъ быть выводъ изъ всего нашего изслѣдованія. Тамъ, гдѣ писанная конституція не соотвѣтствуетъ дѣйствительной, рождается конфликтъ, которому нельзя помочь и при которомъ писанная конституція, этотъ листъ бумаги, съ теченіемъ времени неминуемо должна быть побѣждена дѣйствительной конституціей, —реальнымъ, дѣйствительнымъ соотношеніемъ данныхъ общественныхъ силъ.

Что же нужно было сдѣлать?

Да нужно было прежде всего сдѣлать не писанную, а дѣйствительную конституцію, т. е. измѣнить фактическія соотношенія силъ, существующія въ странѣ, измѣнить ихъ въ пользу буржуазіи.

Конечно, 18 марта сейчасъ же показало, что сила націи уже теперь, во всякомъ случаѣ, больше силы арміи: послѣ долгаго и кроваваго боя войска должны были отступить.

Однако я уже раньше обратилъ ваше вниманіе на то важное различіе, которое существуетъ между силой націи и силой постоянной арміи, и которое приводитъ къ тому, что меньшая въ сущности сила арміи на продолжительное время оказывается болѣе дѣйствительной, чѣмъ большая сила націи. Это различіе заключается,

какъ вы помните, въ томъ, что сила націи не организована, тогда какъ сила арміи организована, всегда готова снова вступить въ бой, а — поэтому — должна быть болѣе дѣйствительной, болѣе способной удержать побѣду за собой противъ хоть и большей, но зато неорганизованной силы націи, лишь въ рѣдкую минуту чрезвычайнаго возбужденія сплачивающейся воедино.

Нужно было, напримѣръ, ограничить военную службу шестью мѣсяцами, срокомъ, который, съ одной стороны — согласно отзывамъ величайшихъ военныхъ авторитетовъ — совершенно достаточенъ для того, чтобы сообщить солдату полное военное образованіе, съ другой стороны, слишкомъ кратокъ для того, чтобы вселить въ него особый кастовый духъ.

Нужно было, далѣе, постановить, чтобы всѣ низшіе офицеры, по крайней мѣрѣ, до майора включительно, назначались не властью сверху, а выбирались самими войсковыми частями; это, конечно, для того, чтобы офицерскія мѣста не могли быть замѣщаемы въ духѣ, враждебномъ народу.

Далѣе необходимо было установить подсудность арміи за всѣ проступки, не спеціально военные, обыкновенному гражданскому суду, чтобы и на этомъ она научилась разсматривать себя, какъ нѣчто общее съ народомъ, а не отдѣльное отъ него, не какъ особую касту.

Наконецъ, слѣдовало всѣ артиллерійскія орудія, пушки, которыя должны служить лишь для защиты страны, отдать, поскольку онѣ не являются безусловно необходимыми для военныхъ упражненій, на храненіе городскимъ, выбраннымъ народомъ, властямъ. Изъ части этой артиллеріи надо было, далѣе, образовать артиллерійскіе отряды народнаго ополченія для того, чтобы и пушки, эту столь важную часть конституціи, сдѣлать силой, находящейся въ рукахъ народа.

Изъ всего этого весной и лѣтомъ 48 г. ничего сдѣлано не было, и — поэтому — можете ли вы удивляться, если мартовская революція уже въ ноябрѣ 48 г. была уничтожена, осталась безрезультатной? Конечно, нѣтъ! все было необходимымъ слѣдствіемъ того, что не со-

стоялось никакого измѣненія въ реальныхъ фактическихъ соотношеніяхъ силъ.

Государямъ, господа, служатъ гораздо лучше, чѣмъ вамъ! Ихъ слуги не краснобаи, какими часто являются слуги народа: они практичные дѣльцы, инстинктивно чувствующіе, въ чемъ суть дѣла.

Господинъ фонъ-Мантейфель не былъ, конечно, великимъ ораторомъ; но онъ былъ практичнымъ человѣкомъ! Разогнавъ въ ноябрѣ 48 г. народное собраніе и выславъ на улицу пушки, съ чего онъ, прежде всего началъ? Быть можетъ, съ того, что принялся писать реакціонную конституцію? Боже сохрани — это онъ всегда успѣлъ бы сдѣлать. Напротивъ, онъ даже далъ вамъ самъ въ декабрѣ 1848 г. довольно либеральную писанную конституцію. Что же онъ, однако, сдѣлалъ тогда же въ ноябрѣ, каково было его первое распоряженіе? Вы, конечно, припоминаете, господа: онъ началъ о б е з о р у ж и в а т ь гражданъ, отнимать у нихъ о р у ж і е. Вы видите, господа,—о б е з о р у ж и т ь п о б ѣ ж д е н н ы х ъ—это главное для побѣдителя, если только онъ не хочетъ, чтобы борьба каждую минуту возгоралась вновь.

Въ началѣ нашего изслѣдованія мы медленно подвигались впередъ: намъ нужно было сначала получить п о н я т і е конституціи; вѣроятно, нѣкоторымъ все показалось даже слишкомъ медленнымъ. Но зато вы сами давно замѣтили, какъ, послѣ пріобрѣтенія этого понятія, передъ нами одинъ за другимъ развертывались самые поразительные выводы; замѣтили, что теперь мы понимаемъ предметъ яснѣе, лучше и совсѣмъ иначе, чѣмъ другіе, что мы, наконецъ, пришли къ такимъ выводамъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, совершенно противоположны тому, что обычно принято думать о нашемъ вопросѣ.

Разсмотримъ вкратцѣ нѣсколько такихъ выводовъ.

Я уже только что показалъ вамъ, что въ 1848 г. не была предпринята ни одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя были необходимы для измѣненія существовавшихъ въ странѣ фактическихъ соотношеній силъ, для измѣненія арміи въ армію народную; было, впрочемъ, сдѣлано

одно предложеніе, именно предложеніе Штейна, стремящееся къ этому и дѣлающее въ этомъ смыслѣ первый шагъ; предложеніе имѣло цѣлью принудить министерство издать такой приказъ по арміи, который заставилъ бы выйти въ отставку всѣхъ реакціонныхъ офицеровъ.

Но вспомните, господа, лишь только берлинское національное собраніе приняло это предложеніе, какъ вся буржуазія и половина страны закричали: національное собраніе должно дѣлать конституцію, а не разбирать ссоры съ министерствомъ, не терять времени съ интерпелляціями, съ дѣлами, касающимися власти исполнительной, дѣлайте конституцію, только конституцію,—кричали всѣ, какъ будто бы кругомъ все горѣло!

Вы видите, господа, вся буржуазія, половина страны, которая такъ кричала, не имѣла совершенно никакого понятія о сущности конституціи!

Составить писанную конституцію — да вѣдь это должно было быть побочнымъ дѣломъ, это можно было сдѣлать, если нужно, въ трое сутокъ, это самое послѣднее изъ всего, и вотъ потому, преждевременное составленіе писанной конституціи оказалось совершенно безполезнымъ.

Преобразовать дѣйствительныя, фактическія соотношенія силъ въ странѣ, вмѣшаться въ исполнительную власть, настолько вмѣшаться и настолько передѣлать ее, не фиктивно, а дѣйствительно, чтобы она никогда болѣе не могла самостоятельно вновь противопоставить себя волѣ націи — это было тѣмъ самымъ, что стояло тогда на очереди и что должно было бы быть сдѣлано въ первую голову для того, чтобы писанная конституція могла быть долговѣчной. Такъ какъ все это не было во время сдѣлано, то національному собранію не дали даже времени составить конституцію: его выгнали при помощи несломанныхъ орудій силы исполнительной власти.

Второй выводъ. Представьте себѣ, что національное собраніе не было тогда разогнано и что ему дѣйствительно удалось выработать и постановить конституцію.

Вмѣсто бы это хоть какое нибудь существенное измѣненіе въ ходъ вещей?

Никогда, господа,—и доказательство этого явствуетъ изъ самихъ фактовъ. Правда, національное собраніе было разогнано; но король самъ на основаніи документовъ, оставшихся отъ національнаго собранія, провозгласилъ 5 декабря 1848 г. конституцію, въ большинствѣ пунктовъ вполнѣ соотвѣтствующую той конституціи, которую мы могли ожидать отъ національнаго собранія.

Такимъ образомъ конституція эта не была навязана извнѣ, а провозглашена имъ добровольно, ибо онъ былъ побѣдителемъ. Казалось бы, что теперь тѣмъ болѣе нужно разсчитывать на ея долговѣчность, жизненность.

Ни подъ какимъ видомъ, господа! Совершенно невозможно!

У васъ растетъ въ саду яблоня... Вы повѣсили на нее записку, на которой написали: это фиговое дерево! Скажите, развѣ отъ этого ваша яблоня дѣйствительно сдѣлалась фиговымъ деревомъ?

Нѣтъ, и если бы вы собрали вокругъ дерева всѣхъ вашихъ, даже всѣхъ жителей мѣстности, и заставили бы ихъ громко и торжественно, поклявшись, провозгласить: сіе есть фиговое дерево—дерево все-таки осталось бы тѣмъ, чѣмъ оно было, и въ ближайшемъ году всѣ убѣдились бы въ этомъ, видя, что дерево даетъ я б л о к и, а не ф и г и.

Точно также, какъ мы видѣли, обстоитъ дѣло и съ к о н с т и т у ц і е й: то, что написано на листѣ бумаги, не имѣетъ никакой цѣны, если противорѣчитъ дѣйствительному положенію вещей, реальнымъ соотношеніямъ силъ.

На листѣ бумаги отъ 5 декабря 1848 г. король самъ, добровольно согласился на много уступокъ, но всѣ уступки эти противорѣчили дѣйствительной конституціи, той реальной фактической силѣ, которую король удержалъ въ своихъ рукахъ неослабленной. И вотъ — поэтому д ѣ й с т в и т е л ь н а я конституція шагъ за шагомъ должна была пробиться черезъ п и с а н н у ю конституцію съ такой же необходимостью, какая лежитъ въ законахъ тяготѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя конституція 5 декабря 1848 г.

была принята ревизіонным собраніемъ, король, тѣмъ не менѣе, сейчасъ же долженъ былъ приступить къ ея измѣненію, и первымъ такимъ измѣненіемъ былъ предподнесенный намъ законъ 49 г. о трехклассной системѣ выборовъ. Съ помощью парламента, выбраннаго на основаніи этого избирательнаго закона, были далѣе предприняты существеннѣйшія измѣненія конституціи; лишь въ 1850 г. король, наконецъ, присягнулъ ей; и тотчасъ же послѣ присяги началось самое настоящее передѣлываніе ея! Начиная съ 1850 г., каждый годъ отмѣченъ такими передѣлываніями. Никакое знамя, побывшее въ 100 сраженіяхъ, не можетъ быть изодрано и пробито такъ, какъ наша конституція!

Третій выводъ. Вы знаете, господа, что въ нашемъ городѣ есть партія, органомъ которой является „Народная газета“, партія, съ лихорадочнымъ ужасомъ столпившаяся вокругъ жалкихъ остатковъ знамени, вокругъ нашей истерзанной конституціи, и называющая себя—посему—„вѣрной конституціи“, партія, боевымъ кличемъ которой являются слова: „Держитесь за конституцію, Бога ради, конституція, конституція, спасите, на помощь, горимъ, погибаемъ“!

И вотъ, господа, если вы увидите, безразлично, гдѣ и когда, такую партію, партію, избравшую своимъ боевымъ кличемъ трепетный вопль „держаться за конституцію“—какое заключеніе сдѣлаете вы изъ этого? Замѣтьте, я спрашиваю не о желаніяхъ вашихъ, а о мысляхъ лишь, спрашиваю васъ, какъ людей размышляющихъ: какой же выводъ сдѣлаете вы изъ этого явленія?

Да, конечно, вы съ величайшей увѣренностью сможете сказать (для этого вовсе не нужно быть пророкомъ), что конституція эта дышитъ на ладанъ, что она почти мертва, что еще нѣсколько лѣтъ, и она прикончитъ свое существованіе.

Причины всего этого просты.—Никогда вы не услышите этихъ криковъ, если писанная конституція соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ соотношеніямъ силъ, существующимъ въ странѣ, такъ какъ всякій, само собой разумѣется, будетъ далекъ отъ того,

чтобы коснуться такой конституціи; никому *и въ голову* не придетъ придраться къ ней, ибо иной разъ можно за это здорово поплатиться. Тамъ, гдѣ писанная конституція находится въ соотвѣтствіи съ реальными, фактическими соотношеніями силъ, тамъ не можетъ случиться, чтобы партія своимъ боевымъ кличемъ сдѣлала „дѣяніе за конституцію". Тамъ, гдѣ такой кличъ раздается, онъ является вѣрнымъ и несомнѣннымъ знакомъ того, что онъ—крикъ опасенія, страха, что въ писанной конституціи все еще есть нѣчто такое, что противорѣчитъ дѣйствительной конституціи, реальнымъ соотношеніямъ силъ. Тамъ же, гдѣ такое противорѣчіе существуетъ, писанная конституція безвозвратно потеряна, и никакой богъ, никакіе крики не помогутъ спасти ее.

Она можетъ быть измѣнена въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ—вправо и влѣво, но оставаться въ прежнемъ видѣ она не можетъ; я, именно, крикъ-то о томъ, чтобы удержать ее, доказываетъ правильность нашей мысли всякому логически мыслящему человѣку Конституція можетъ быть измѣнена вправо: правительство предпринимаетъ измѣненіе, чтобы привести писанную конституцію въ согласованіе съ дѣйствительной реальной властью организованной силы—общества; но вотъ выступаетъ на сцену неорганизованная сила общества и вновь доказываетъ, что она могущественнѣе организованной силы, и, какъ слѣдствіе этого, конституція измѣняется и переиначивается влѣво Но такъ или иначе, въ томъ или иномъ случаѣ, конституція въ своемъ прежнемъ видѣ погибла.

Если вы, господа, не только хорошо запомните и тщательно продумаете рѣчь, которую я имѣлъ честь произнести передъ вами, но, обдумавъ, сдѣлаете изъ нея всѣ тѣ выводы, которые только можно сдѣлать,—вы явитесь обладателями всей той мудрости, всего того искусства, которыя необходимы при составленіи конституціи. Конституціонный вопросъ прежде всего и раньше всего—вопросъ силы, а не вопросъ права дѣйствительная конституція страны, вы

фактическія соотношенія силъ, существующихъ въ странѣ; писанная конституція тогда лишь прочна и имѣетъ значеніе, когда является точнымъ выраженіемъ реальныхъ соотношеній общественныхъ силъ. Всѣ эти положенія, господа,—положенія основныя, принципы, которые вы должны разъ навсегда твердо запомнить. Эти принципы я разобралъ сегодня передъ вами, обративъ исключительное вниманіе лишь на одно—силу арміи; это, во-первыхъ, потому, что большаго сдѣлать не позволялъ мнѣ недостатокъ времени, во-вторыхъ, потому, что сила арміи есть самая рѣшающая, самая важная изъ всѣхъ организованныхъ силъ; но вы, конечно, сами понимаете, что тѣ же разсужденія можно вполнѣ отнести и къ организаціи института судебнаго, административнаго и т. д.— все это—также организованныя силы общества.

Такъ вотъ, господа, если вы хорошо усвоите мою рѣчь, то вы, получивъ когда либо снова возможность самимъ дѣлать себѣ конституцію, будете знать, какъ нужно при этомъ поступать, будете знать, что достигнуть чего нибудь можно не исписываніемъ листа бумаги а лишь измѣненіемъ фактическихъ соотношеній силъ.

Ну, а пока, господа, изъ моей рѣчи вы, безусловно, сами, безъ всякихъ моихъ разъясненій, сдѣлаете заключеніе о томъ какая необходимость приводитъ къ нынѣшнимъ военнымъ законопроектамъ, къ тому увеличенію арміи, котораго отъ васъ требуютъ; вы сами сумѣете указать тотъ сокровенный источникъ, изъ котораго исходятъ эти проекты.

Монархіи, господа, служатъ не краснобаи, а дѣльцы, практики; этого же желаю я и вамъ.

Что же дальше?

(Рѣчь вторая).

Въ послѣдней рѣчи моей, мм. гг. я говорилъ передъ вами о сущности конституціи вообще и о прусской конституціи въ частности. Я показалъ вамъ различіе между конституціей дѣйствительной и листомъ бумаги, которая называется конституціей писанной. Я доказалъ вамъ, что дѣйствительная конституція страны состоитъ исключительно въ реальномъ, фактическомъ соотношеніи силъ данной общества. Я доказалъ вамъ также, что писанная конституція не соотвѣтствующая фактическимъ отношеніямъ организованной общественной силы, неизбѣжно должна сойти со сцены подъ давленіемъ умолчанныхъ общественныхъ силъ. Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, происходитъ одно изъ двухъ: либо правительство беретъ за измѣненіе конституціи, чтобы привести конституціи писанную въ соотвѣтствіе съ фактическими отношеніями организованной общественной силы; либо выступаетъ неорганизованная сила общества, снова доказывая свое превосходство надъ силой организованной, и коренным образомъ измѣняетъ отношенія организованныхъ силъ общества, т. е. самыя основы конституціи, и направляетъ ихъ въ такой же степени вліяніе, насколько правительство, въ случаѣ одержанныхъ имъ побѣды, старалось бы повернуть ихъ вспять.

Конецъ своей рѣчи я резюмировалъ слѣдующимъ образомъ: «если вы, господа, не только запомните и основательно продумаете рѣчь, которую я имѣлъ честь произнести передъ вами, но еще сдѣлаете изъ нея, путемъ дальнѣйшаго размышленія, соотвѣтственные выводы, то вы достигнете этимъ полнаго и всесторонняго пониманія конституціи».

Если, благодаря моей рѣчи, продуманной и послѣдовательно развитой вами до всѣхъ ея конечныхъ выводовъ, вы, дѣйствительно, достигнете полнаго конституціоннаго пониманія и искусства, то эта же рѣчь должна указать вамъ способъ, единственно возможный и вѣрный, при помощи котораго можетъ быть, съ наибольшимъ успѣхомъ для націи, улаженъ нынѣшній конфликтъ въ странѣ. Именно этимъ я и хочу сегодня заняться.

На основаніи теоріи, изложенной мною въ тотъ разъ, я хочу опредѣлить средство, единственно могущее привести къ благополучному окончанію конфликта, возникшаго между правительствомъ и палатой.

Но прежде, чѣмъ къ этому перейти, предлагаю вамъ еще разъ убѣдиться въ безусловной вѣрности моей теоріи о сущности конституціи, теоріи, полагаемой мною въ основу сегодняшняго изслѣдованія.

Вы знаете, господа, какъ вообще оспаривается каждое политическое положеніе между противоположными партіями. Одна партія признаетъ совершенно неоспоримымъ то, что другая партія, съ такой же увѣренностью, считаетъ несправедливымъ и абсурднымъ. Иной разъ можно подумать,—и слабые, скептическіе умы такъ и дѣлаютъ,—что нѣтъ истины, нѣтъ общечеловѣческаго разума, когда видишь, какъ послѣдовательно, ожесточенно и презрительно одна партія отвергаетъ то, что другая считаетъ непреложной истиной.

Изъ всего этого ужасающаго диссонанса мнѣній, изъ всѣхъ взаимно опровергающихъ положеній, одна только наука въ состояніи вывести истину, настолько ясную и очевидную, что даже борющіяся политическія партіи не могутъ не признать ея. Такого рода случаи создаютъ истинный тріумфъ науки и являются могущественнымъ доказательствомъ справедливости научной теоріи.

Какъ разъ такой случай имѣлъ мѣсто относительно теоріи конституціи, изложенной мною предъ вами въ прошлой рѣчи. Какъ вы знаете, господа, я принадлежу къ лагерю чистой и крайней демократіи. И вотъ, несмотря на это, такой противоположный по своимъ

взглядамъ политическій органъ, какъ «Крестовая Газета», не могъ не признать безусловной справедливости изложенной мною теоріи конституціи. Онъ посвящаетъ моей рѣчи замѣтку въ № 132 (7-го іюня 62 г.) и, по своему, называетъ ее: «рѣчью нашумѣвшаго въ свое время жида-революціонера, который съ вѣрнымъ инстинктомъ проникъ въ самую суть дѣла, но еще не все высказалъ, что онъ знаетъ и думаетъ».

Послѣднюю ошибку я постараюсь, конечно, исправить. «Крестовая Газета» можетъ быть увѣрена, что догадка ея оправдается и, когда нужно будетъ, я все выскажу, что знаю и думаю. Ея же признаніе, что я проникъ въ самую суть дѣла, я пока принимаю къ свѣдѣнію.

Однако, не только «Крестовая Газета», но даже гг. министры, признали политическую справедливость моей теоріи. Военный министръ г. фонъ-Роонъ, въ засѣданіи палаты отъ 12-го сентября, заявилъ, что, по его мнѣнію, главное содержаніе исторіи, какъ международной, такъ и внутренней, сводится исключительно къ борьбѣ за силу и расширеніе силы между отдѣльными факторами.

Вы видите, господа, что это буквально то же самое, это тѣми же словами повторенная теорія, которую я, весной прошлаго года, изложилъ передъ вами въ ея послѣдовательномъ историческомъ развитіи, и которую обнародовалъ потомъ въ отдѣльной брошюрѣ.

Но въ той же газетѣ, нѣсколькими строками ниже, г. военный министръ говоритъ, что въ Берлинѣ, въ палатѣ депутатовъ, существуютъ агитаторы, которые— цитирую его собственныя слова—«устно и письменно, въ окружныхъ собраніяхъ и въ прессѣ, распространяютъ пагубныя и разрушительныя тенденціи».

Такъ какъ въ здѣшнихъ окружныхъ собраніяхъ до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не было произнесено другихъ рѣчей, которыя можно было бы назвать «разрушительными», и такъ какъ министерская газета неоднократно приписывала моей рѣчи, произнесенной въ 3-хъ или 4-хъ собраніяхъ, разрушительныя тенденціи, то изъ этого я заключаю (и особенно въ

связи съ тѣмъ, что министръ лишь сейчасъ опредѣлилъ основную мысль моей рѣчи, какъ свою собственную точку зрѣнія на ходъ исторіи), что обвиненіе военнаго министра, поскольку оно касается окружныхъ собраній, относится именно къ моей рѣчи о сущности конституціи, произнесенной въ этихъ собраніяхъ. Мнѣ кажется только очень страннымъ и непонятнымъ, что военный министръ находитъ въ моихъ устахъ разрушительной ту же точку зрѣнія, тѣ же слова, которыя въ его устахъ кажутся ему въ высшей степени консервативными. Но случилось нѣчто, еще болѣе удивительное и замѣчательное. Военный министръ дѣлаетъ палатѣ упрекъ, почему она не предала анаѳемѣ распространяемыхъ мною въ печати и собраніяхъ тенденцій. Прежде всего, я долженъ замѣтить, что палатѣ нѣтъ ровно никакого дѣла до признанія или отрицанія моихъ взглядовъ. Самымъ же смѣшнымъ въ этомъ инцидентѣ является то, что военный министръ, требуя отъ палаты порицанія извѣстной исторической точки зрѣнія, признанной имъ только сейчасъ за свою собственную, тѣмъ самымъ, слѣдовательно, требуетъ порицанія своихъ собственныхъ возрѣній.

Впрочемъ, это маленькое недоразумѣніе, происшедшее у военнаго министра съ логикой, не имѣетъ никакого значенія для дѣла; важно только установить тотъ фактъ, что военный министръ признаетъ ту же теорію сущности конституціи, которую я развивалъ въ своей прошлой рѣчи.

Да и самъ министръ-президентъ, г. фонъ-Бисмаркъ, былъ такъ любезенъ, что отъ имени всего министерства засвидѣтельствовалъ вѣрность моего историческаго возврѣнія.

Вы знаете всѣ, что палата имѣетъ неоспоримое и непререкаемое право, начертанное въ конституціи, утверждать или отвергать государственный бюджетъ. Палата воспользовалась этимъ своимъ правомъ, и г. фонъ-Бисмаркъ, не отрицая этого права палаты, въ засѣданіи отъ 7-го октября буквально сказалъ слѣдующее: „Юридическіе вопросы такого рода рѣшаются, обыкновенно, не противупоставленіемъ спорныхъ теорій, а

лишь постепенно, посредствомъ государственно-правовой практики". Вглядитесь повнимательнѣе, господа, и вы увидите, что здѣсь, въ нѣсколько туманныхъ и неясныхъ выраженіяхъ (какъ и подобаетъ министру), вполнѣ подтверждается моя теорія. Право наложены г. фонъ-Бисмаркъ переводитъ смягченнымъ терминомъ—юридическій вопросъ. Онъ не отрицаетъ—да и не можетъ отрицать,— что этотъ юридическій вопросъ или это право начертано въ конституціи, т. е. на листѣ бумаги. Но, говоритъ, право это именно только написано на бумагѣ, дѣйствительно же рѣшающимъ факторомъ является государственно-правовая практика.

Здѣсь, какъ видите, подъ туманнымъ выраженіемъ „государственно-правовая практика" подразумѣвается давленіе того, что, въ противоположность простому праву или юридической теоріи, происходитъ и совершается въ дѣйствительности, и что я, болѣе ясно, назвалъ реальнымъ, фактическимъ отношеніемъ силъ.

Такимъ образомъ, г. фонъ-Бисмаркъ, въ переводѣ съ министерскаго языка на обыкновенный, говоритъ: можете сохранить себѣ свой листъ бумаги: я господствую надъ реальными фактическими отношеніями организованной силы. Войско, финансы, судъ—все въ моей власти, и эти реальныя организованныя силы, въ послѣдней инстанціи, одни только имѣютъ рѣшающее значеніе и опредѣляютъ собой государственно-правовую практику.

Противодѣйствіе этихъ реальныхъ фактическихъ отношеній силъ, говоритъ г. фонъ-Бисмаркъ, низводитъ ваше право на степень простого юридическаго опыта, и эти самыя отношенія силъ служатъ мнѣ порукой, что вопросъ будетъ рѣшенъ не въ пользу вашего, только теоретическаго, только бумажнаго права.

Постепенно, говоритъ г. фонъ-Бисмаркъ, государственно-правовая практика разрѣшитъ этотъ юридическій вопросъ, т. е. конфликтъ между писаннымъ и организованной силой, совершенно въ другомъ смыслѣ.

Въ этихъ словахъ видна большая проницательность

г. фонъ Бисмарка. Вы помните—въ прошлой рѣчи своей я объяснилъ вамъ, что называется конституціоннымъ прецедентомъ.

Если однажды у меня имѣется достаточно силы для совершенія чего либо, то на слѣдующій разъ у меня имѣется уже и право на это. Я пояснилъ вамъ это ссылкой на средневѣковой французскій государственно-правовой принципъ, гласящій: „народъ можетъ быть произвольно облагаемъ сборами-податями". Этотъ принципъ, сказалъ я, былъ вначалѣ простымъ выраженіемъ фактическихъ отношеній силъ въ средневѣковой Франціи. Низшіе слои народа въ средніе вѣка дѣйствительно были такъ безпомощны, что ихъ можно было по усмотрѣнію облагать податями и сборами.

Сообразно этимъ фактическимъ отношеніямъ силъ и поступали. Народъ всегда былъ такъ обремененъ. Такое положеніе дѣлъ создало такъ называемые прецеденты, и понынѣ занимающіе въ Англіи такое видное мѣсто въ конституціонныхъ вопросахъ.

Это постоянное обремененіе народа создало тотъ государственно-правовой принципъ, на который обыкновенно ссылаются въ подобныхъ случаяхъ.

Какъ видите, господа, г. фонъ-Бисмаркъ это именно и подразумѣваетъ, утверждая, что постепенно государственно-правовая практика вырѣшитъ вопросъ въ совершенно иномъ смыслѣ. Г. фонъ-Бисмаркъ думаетъ: «если на этотъ разъ, въ 1862 г., у меня хватитъ силъ провести желательныя мнѣ измѣненія, то въ 1866 г., если я снова захочу увеличить армію, противъ воли палаты, если я захочу сдѣлать непринятые ею расходы, я уже буду имѣть право на это, потому что тогда я сошлюсь на прецедентъ. Если въ 1870 г. я снова захочу увеличить армію и снова произвести неодобренный палатой расходъ, -я буду имѣть уже совершенно неоспоримое право на это, такъ какъ могу сослаться уже на два прецедента, на цѣлую государственно-правовую практику».

Это пріятное указаніе на то, что онъ теперь не въ послѣдній разъ пытается увеличить армію противъ воли палаты и провести непринятые ею расходы;

указаніе на то, что въ будущемъ онъ намѣренъ поступать точно такъ же.

Это утѣшительное обѣщаніе, что онъ думаетъ постепенно установить неоспоримую государственно-правовую практику увеличенія арміи и расходовъ наперекоръ постановленіямъ палаты. Эта восхитительная перспектива, которой г. фонъ-Бисмаркъ хочетъ усмирить палату и страну: удовлетворить ихъ за нарушеніе бумажной конституціи, или, говоря иначе, юридической теоріи. Пожалуй, вы скажете, что это нѣсколько странное утѣшеніе. Это похоже на то, если-бъ вы сопротивлялись моему желанію избить васъ, а я, желая склонить васъ на принятіе моихъ колотушекъ, обѣщалъ бы и въ будущемъ пренарядно васъ отколотить.

При всемъ томъ, подумавши надъ словами г. министра-президента, вы увидите, что онъ глубокій и тонкій знатокъ сущности конституціи, что онъ вполнѣ стоитъ на почвѣ моей теоріи, прекрасно знаетъ, что истинная конституція страны состоитъ не въ листѣ бумаги, а въ фактическихъ соотношеніяхъ силъ, и только этими отношеніями силъ, а не бумажнымъ правомъ, опредѣляется государственно-правовая практика, т. е. то, что происходитъ въ дѣйствительности Вы видите, что онъ отлично понимаетъ значеніе прецедентовъ, какъ они создаются и какъ ихъ можно утилизировать впослѣдствіи...

Позволяю себѣ обратить ваше вниманіе, господа, и особенно присутствующихъ здѣсь представителей полицейской власти, что я стою на признанной всѣми высшими правительственными лицами, а потому совершенно неприкосновенной почвѣ.

Вы не должны, господа, удивляться такой ясности пониманія у государственныхъ людей. Я говорилъ уже, что государи имѣютъ обыкновенно хорошихъ слугъ, и что хотя они не ораторы, но практическіе люди, обладающіе болѣе или менѣе выработаннымъ теоретическимъ пониманіемъ, и чувствующіе инстинктивно, каково въ данный моментъ положеніе дѣлъ. Въ доказательство вѣрности своей теоріи, я могу привести не только воззрѣнія государственныхъ людей, но, что го

раздо важнѣе, самыя событія, которыя удивительнымъ образомъ ее подтверждаютъ...

Вы помните, конечно, пророчество, выведенное, какъ третье слѣдствіе изъ основныхъ положеній моей прошлой рѣчи. Я объяснялъ вамъ тогда, какъ и почему наша нынѣшняя конституція находится въ предсмертной агоніи, и почему она обязательно, въ самомъ близкомъ будущемъ, должна быть измѣнена правительствомъ вправо или народомъ влѣво и что она не можетъ дальше существовать въ теперешнемъ ея видѣ. Я сказалъ тогда слѣдующее: «конституція находится при послѣднемъ издыханіи, она почти уже мертва, еще нѣсколько лѣтъ—и она совершенно прекратитъ свое существованіе». Я не хотѣлъ слишкомъ пугать васъ, поэтому сказалъ: «еще нѣсколько лѣтъ»: но дальнѣйшія событія показали, что я вполнѣ могъ сказать: «еще нѣсколько мѣсяцевъ—и ея вовсе не будетъ». Самъ президентъ палаты депутатовъ, г. Грабовъ, въ своей рѣчи, при закрытіи палаты, заявилъ, что конституціи нанесенъ «тяжелый ударъ».

Палата господъ, учрежденіе, составляющее часть этой самой конституціи, своимъ вотумомъ одобрившая бюджетъ, непринятый второй палатой, нарушила эту конституцію.

Но еще серьезнѣе и тяжелѣе нарушеніе конституціи, совершенное правительствомъ.

Несмотря на то, что палата отвергла новые расходы на армію, правительство, по его собственному заявленію, продолжаетъ дѣлать эти расходы послѣ постановленія палаты такъ же, какъ дѣлало ихъ до него.

Выводъ отсюда таковъ:—существующая въ настоящее время конституція уже не существуетъ фактически, и исторія далеко опередила мое предсказаніе о времени ея уничтоженія.

Итакъ, вы можете съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ безусловной вѣрности моей конституціонной теоріи.

Было бы очень отрадно и утѣшительно, господа, если-бъ изъ этой теоріи, всесторонне подтверждаемой не только мнѣніями государственныхъ людей, но и событіями текущей жизни, вамъ удалось сдѣлать логиче-

скій выводъ о способахъ наиболѣе успѣшнаго и удовлетворительнаго разрѣшенія настоящаго конфликта. Отрадно и утѣшительно потому именно, что у васъ будетъ полная увѣренность въ дѣйствительности и пригодности этихъ, выведенныхъ изъ вѣрной и неоспоримой теоріи, способовъ.

Такимъ изысканіемъ способовъ мы сегодня и займемся.

Но прежде всего необходима правильная постановка вопроса. Это обязательное условіе для всякаго изслѣдованія, такъ какъ очень часто ложные выводы являются результатомъ неправильной постановки вопроса.

Итакъ, вопросъ заключается не въ томъ, какимъ образомъ продолжить существованіе нынѣшней конституціи, — январьской конституціи 1850 г. Если бы вы, господа, такъ поставили вопросъ, то я, какъ и всякій другой, не могъ бы дать вамъ правильнаго и вѣрнаго отвѣта на него, точно также, какъ невозможно путемъ гальванизаціи вдохнуть въ мертвое тѣло настоящую жизнь.

Возьмемъ къ примѣру палату господъ, которая тоже составляетъ часть этой конституціи 50 г., и которая пользуется своимъ положеніемъ для систематическаго противодѣйствія всѣмъ постановленіямъ палаты депутатовъ. Каждому изъ васъ ясно, что эта палата не можетъ разсчитывать на дальнѣйшее существованіе. Однако, уничтоженіе этой палаты было бы нарушеніемъ одного изъ основныхъ положеній нынѣшней конституціи.

Впрочемъ, вопросъ предъ вами совсѣмъ не въ такомъ видѣ; да въ такой постановкѣ онъ васъ и не интересуетъ. Для васъ совсѣмъ не интересно сохраненіе всѣхъ вредныхъ постановленій въ конституціи. Какое вамъ дѣло, напримѣръ, до сохраненія ст. 108, гласящей: «армія не присягаетъ конституціи»; или до ст. 111, дающей правительству право, въ извѣстныхъ случаяхъ, объявить осадное положеніе и, такимъ образомъ, сразу уничтожить значеніе полдюжины существеннѣйшихъ статей конституціи и нарушить этимъ неприкосновеннѣйшія права человѣка и гражданина.

Какое вамъ дѣло до сохраненія ст. 106, запрещаю-

щей судьямъ контролировать законность королевскихъ приказовъ, или ст. 109, освобождающей правительство отъ санкціи палаты въ вопросѣ о сборѣ уже существующихъ налоговъ?

Всѣ эти примѣры подтверждаютъ лишь то обстоятельство, что сохраненіе настоящей конституціи въ ея цѣломъ очень мало васъ интересуетъ, если-бъ даже оно и было возможно. Что единственно интересно и важно для васъ въ нынѣшнемъ конфликтѣ, -это отстоять неоспоримое право народа, право утвержденія бюджета, вашими депутатами,—право, признанное даже этой конституціей, и которое на вѣчныя времена и во всѣхъ конституціяхъ должно существовать.

Итакъ, вопросъ въ его настоящей постановкѣ гласитъ: какимъ образомъ фактически осуществить право народа отвергать черезъ своихъ представителей тѣ статьи бюджета, которыя онъ находитъ лишними.

Для рѣшенія этого вопроса я прибѣгну къ способу доказательства отъ противнаго, т. е. я сначала выясню, какія средства, несмотря на ихъ кажущуюся пригодность, не годятся для достиженія намѣченной цѣли.

Если я не ошибаюсь, многіе думаютъ о томъ, что въ ближайшей сессіи палата прибѣгнетъ къ отклоненію налоговъ, чтобы заставить правительство вернуться на законный путь. Но это средство, несмотря на всю его внѣшнюю привлекательность, будетъ совершенно недѣйствительнымъ и не достигающимъ цѣли.

Прежде всего, нельзя не замѣтить, что, въ силу ст. 109 нашей конституціи, право палаты на отклоненіе какого нибудь уже существующаго налога вообще подлежитъ большому сомнѣнію. Но допустимъ даже, что дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ, и что наша конституція очень точно и опредѣленно предоставляетъ палатѣ право отклоненія налоговъ; но и въ такомъ случаѣ средство это будетъ непрактичнымъ и безсильнымъ. Непринятіе налоговъ само по себѣ еще далеко не означаетъ революціи. Въ Англіи оно считается вполнѣ законнымъ и удобнымъ средствомъ, чтобы заставить правительство покориться желаніямъ народа въ разныхъ спорныхъ вопросахъ. Одной угрозы оль-

дерменовъ Сити отклонить налоги, въ вопросѣ о Reform-Bill'ѣ 1830 г., было достаточно, чтобы правительство уступило и произвело перетасовку въ палатѣ пэровъ, чѣмъ и сломило ихъ оппозицію. Такъ какъ это средство съ большимъ успѣхомъ примѣняется въ Англіи, то неудивительно, что многіе разсчитываютъ примѣнить его и теперь у насъ; точно такъ же, какъ были попытки сдѣлать это въ ноябрьскомъ конфликтѣ 48 года.

Мы знаемъ, что постановленіе національнаго собранія объ отклоненіи налоговъ въ 1848 г. осталось безъ всякихъ реальныхъ послѣдствій, несмотря на то, что національное собраніе, какъ у ч р е д и т е л ь н о е, обладало безусловнымъ и неоспоримымъ правомъ на такое постановленіе.

Точно такая же или еще болѣе печальная судьба постигла бы повтореніе этой попытки въ настоящее время.

Откуда же берется то различіе, что мѣра, столь успѣшно примѣняемая въ Англіи, остается совершенно безуспѣшной у насъ?

Вполнѣ точный и ясный отвѣтъ на это дастъ вамъ моя теорія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ станетъ понятнымъ такое значительное явленіе нашей исторіи, какъ ноябрьскій конфликтъ 1848 г., и это предохранитъ васъ отъ ошибокъ въ будущемъ.

Тѣ, которые въ 1848 г. въ непринятіи налоговъ видѣли такое дѣйствительное средство, и тѣ, которые думаютъ примѣнить его вновь, совсѣмъ упускаютъ изъ вида ту коренную разницу между конституціей только п и с а н н о й и н а с т о я щ е й, которую съ такой очевидностью выясняетъ моя теорія.

Англія — это страна, въ которой дѣйствительное управленіе конституціонно, вслѣдствіе чего перевѣсъ реальныхъ фактическихъ средствъ, даже организованной силы, находится на сторонѣ народа. Въ такой странѣ нетрудно провести непринятіе налоговъ. Въ такой странѣ правительство не можетъ допустить даже попытки сдѣлать это, оно должно уступить простой угрозѣ. Въ такой странѣ непринятіе налоговъ употребляется не для отклоненія покушеній на конституцію,

а для внесенія въ нее полезныхъ для народа измѣненій, какъ это и было въ 1830 г. съ биллемъ о реформѣ. Это организованное, мирное, легальное средство для подчиненія правительства народной волѣ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ Пруссіи, гдѣ теперь, какъ и въ ноябрѣ 1848 г., была и есть только писаная конституція, или, говоря иначе, обломки конституціи; тѣ же фактическія средства организованной силы находятся исключительно въ рукахъ правительства.

Чтобы вполнѣ выяснить это различіе, представимъ себѣ, какія послѣдствія можетъ повлечь непринятіе налога у насъ и въ Англіи. Допустимъ такой случай, что нижняя палата постановила отклоненіе какого нибудь налога, а правительство рѣшило взимать его насильно. Англійскій сборщикъ податей приходитъ ко мнѣ за деньгами. Я сопротивляюсь и выгоняю его изъ дома. Меня отдаютъ подъ судъ, но судья оправдываетъ и еще хвалитъ меня за то, что я не допустилъ явнаго нарушенія закона.

Сборщикъ является вторично, уже въ сопровожденіи солдатъ. Я снова сопротивляюсь, вмѣстѣ со своими друзьями и домашними. Солдаты открываютъ огонь, они ранятъ и убиваютъ. Я вызываю ихъ въ судъ, и хотя они ссылаются на приказъ своего начальства, но въ виду того, что въ Англіи подобный приказъ не служитъ оправданіемъ противозаконныхъ дѣйствій, ихъ, за убійство, приговариваютъ къ смертной казни.

Допустимъ теперь, что въ отвѣтъ на выстрѣлы солдатъ я, со своими друзьями, тоже сталъ стрѣлять, ранилъ и убилъ кого-нибудь изъ нихъ, меня отдаютъ подъ судъ, но, какъ и въ первый разъ, оправдываютъ, ибо я сопротивлялся насилію. Далѣе. Такъ какъ весь ходъ дѣла хорошо знакомъ каждому въ Англіи, и такъ какъ всѣ шансы побѣды уже заранѣе стоятъ на сторонѣ народа, то поэтому никто налога и не платитъ. Не платятъ даже тѣ, кому это безразлично и кто могъ бы уплатить; но они не платятъ потому, чтобы не заслужить порицанія своихъ согражданъ, которые непремѣнно выйдутъ изъ этой борьбы побѣдителями.

Далѣе. Какимъ образомъ могло бы англійское пра-

вительство сломить сопротивленіе народа и нижней палаты? При помощи арміи? Но въ Англіи, со времени Bill of Rights, правительство должно ежегодно просить у палаты согласія на содержаніе войска. Это согласіе дается ему ежегодно и всегда только на одинъ годъ, посредствомъ такъ называемаго mutiny act'a, дающаго вмѣстѣ съ тѣмъ правительству право подвергать солдатъ дисциплинарному взысканію за нарушеніе субординаціи и неповиновеніе начальству. Безъ этого акта солдаты подчинялись бы только общимъ законамъ страны. Но этого мало. Я уже сказалъ, что количество войска на каждый годъ опредѣляется mutiny act'омъ. Это число для Великобританіи и всѣхъ ея колоній, исключая Индіи, въ прошломъ году (61—62) было 99.000 человѣкъ. Изъ этого числа не менѣе половины находилось въ колоніяхъ, гдѣ войско особенно необходимо, другая же половина оставалась въ Англіи. Это значитъ, что на населеніе въ 25 милліоновъ было 50.000 солдатъ, и вы отлично понимаете, что при такомъ отношеніи силъ нельзя рѣшиться на борьбу съ народомъ. Далѣе. Такъ какъ вполнѣ понятно, что всѣ откажутся платить налогъ, и что, благодаря этому, шансы на побѣду, и безъ того стоящіе на сторонѣ народа, чрезвычайно умножатся, и такъ какъ правительство въ Англіи можетъ держать лишь очень ограниченное число войска, то оно не въ состояніи разсчитывать даже на содѣйствіе чиновничества, единственнаго средства борьбы, которымъ оно обладаетъ. Вы, конечно, понимаете, господа, что поведеніе массы чиновниковъ въ подобномъ конфликтѣ будетъ сообразоваться съ тѣмъ, на чьей сторонѣ, по ихъ мнѣнію, окажется побѣда — на сторонѣ народа или правительства.

Какъ на биржѣ повышеніе и пониженіе опредѣляется мнѣніемъ большинства, еще при открытіи биржи, о томъ, что возьметъ верхъ — повышеніе или пониженіе, такъ и поведеніе большинства чиновниковъ опредѣляется ихъ мнѣніемъ о томъ, кто побѣдитъ въ данномъ случаѣ. Если чиновники убѣждены, что побѣда будетъ на сторонѣ правительства, тогда они ревностны, непоколебимы и энергичны. Если же они держатся про-

тивоположнаго мнѣнія, тогда они колеблются, сомнѣваются, протестуютъ, отдѣляются и перебѣгаютъ. Это весьма естественно. Одинъ не хочетъ рисковать своей шкурой, другой - службой и жалованьемъ, третій—общественнымъ положеніемъ. Но такъ какъ положеніе англійскаго народа, въ случаѣ непринятія налоговъ палатой, настолько благопріятно, что каждый заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ, то чиновничество всецѣло переходитъ на его сторону, и тамошнему министру-президенту остается только самому съ кучкой прохвостовъ, которымъ не чего терять, отправиться собирать налоги, стрѣлять изъ пушекъ и сажать людей въ тюрьму.

Благодаря такому положенію дѣлъ въ Англіи, достаточно одного рѣшенія палаты отклонить налоги, чтобы правительство уступило, и все окончилось мирной демонстраціей.

Предположимъ теперь, что на отклоненіе налоговъ рѣшилась палата прусская, имѣющая на это такое же несомнѣнное право, какое имѣла въ 1848 г.

Не подлежитъ сомнѣнію, что правительство, несмотря на такое рѣшеніе палаты, самымъ энергичнымъ образомъ взялось бы все-таки за собираніе налога.

Допустимъ, что я выгналъ прусскаго сборщика податей, меня отдаютъ подъ судъ, и наши судьи, безъ дальнихъ разсужденій и не взирая на прекрасныя рѣчи защитниковъ, присуждаютъ меня къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюрьмы за сопротивленіе правительственной власти. Сборщикъ является снова, въ сопровожденіи солдатъ, которые стрѣляютъ въ меня и помогающихъ мнѣ друзей, ранятъ и убиваютъ. Никто не можетъ привлечь къ отвѣтственности ни солдатъ, ни сборщика податей, такъ какъ они ссылаются на приказъ своего начальства и это освобождаетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности. Если же я буду стрѣлять въ солдатъ и сборщика, раню и убью кого нибудь изъ нихъ, -меня обвинятъ и присудятъ къ смертной казни.

Благодаря такому положенію дѣлъ—всѣ шансы уже заранѣе противъ того, кто не платитъ налога, и лишь очень незначительное число людей, твердыхъ и вѣрныхъ

своимъ принципамъ, станетъ сопротивляться его платежу. Въ виду этого шансы правительства на побѣду еще болѣе возрастаютъ. Благодаря же тому, что наше правительство не нуждается въ ежегодной санкціи палаты на содержаніе извѣстнаго числа войска и не должно испрашивать права на примѣненіе дисциплинарнаго взысканія къ солдатамъ; благодаря тому, что для проведенія своихъ предпріятій оно всегда имѣетъ подъ рукой не такое войско, какъ англійское (около 50.000 на 25 милліоновъ жителей), а 140-тысячную армію на 18 милліоновъ жителей (а по новой военной организаціи почти 200-тысячную); благодаря тому, наконецъ, что огромное число чиновниковъ въ подобномъ конфликтѣ остается на сторонѣ правительства,—отказъ отъ платежа налоговъ приведетъ лишь къ судебному преслѣдованію храбрѣйшихъ и самоотверженныхъ гражданъ, какъ это и было въ 1848 г.

Какъ видите, господа, непринятіе налоговъ является дѣйствительнымъ средствомъ въ рукахъ лишь того народа, который уже имѣетъ на своей сторонѣ всѣ реальныя средства организованной силы народа, который уже занялъ крѣпость. Въ рукахъ же народа, имѣющаго только писанную конституцію и которому еще только предстоитъ завоевать твердыню реальной силы, это средство совершенно не дѣйствительно. Теоретическое непониманіе этого и погубило національное собраніе 1848 года.

Для народа, которому еще предстоитъ завоеваніе крѣпости, непринятіе налоговъ имѣло бы смыслъ, только какъ средство для возбужденія всеобщаго возстанія. По нынѣшнихъ обстоятельствахъ, конечно, никто не думаетъ о возстаніи.

По причинамъ, которыхъ вы позволите мнѣ не касаться въ настоящее время, оно совершенно немыслимо. Но въ 1848 г. дѣло обстояло совсѣмъ иначе. При тогдашнемъ возбужденіи, легко могло вспыхнуть всеобщее возстаніе, и отклоненіе налога, постановленное національнымъ собраніемъ, имѣло бы успѣхъ только въ томъ случаѣ, если бы національное собраніе было послѣдовательнымъ и декретировало возстаніе. Этому, какъ вамъ

извѣстно, помѣшало изобрѣтенное печальной памяти господиномъ фонъ-Упру пассивное сопротивленіе. Но въ настоящее время, когда всякая мысль о возстаніи является полнѣйшимъ безуміемъ, и когда подобная попытка можетъ только сыграть на руку правительству—отмѣна налоговъ является средствомъ, только противорѣчащимъ цѣли. Слѣдовательно, отклоненіе налоговъ намъ не подходитъ. О возстаніи не можетъ быть рѣчи. Что же намъ остается дѣлать? Неужели же мы на самомъ дѣлѣ такъ беззащитны и безпомощны? Нѣтъ, господа, это неправда! Палата обладаетъ могущественнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ,—средствомъ, которое безусловно побѣдитъ сопротивленіе правительства.

Я предложу вамъ его въ такой простой формулировкѣ, что, именно, вслѣдствіе простоты она, пожалуй, покажется вамъ не совсѣмъ понятной.

Средство это состоитъ въ томъ, что палата **должна высказать то, что есть.**

Чтобы понять значеніе этой формулы и постичь всю глубину, скрытую въ ея простотѣ, мы должны вернуться къ вопросу:

Что такое лжеконституціонализмъ и какъ онъ возникаетъ?

Вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на это даетъ вамъ моя прошлая рѣчь. Я указывалъ вамъ въ ней на то, что, пока землевладѣніе и сельскохозяйственное производство являются главнымъ источникомъ общественнаго богатства и пока это богатство находится въ рукахъ земельной аристократіи, конституція необходимо должна быть **сословной**, монархія же очень **ограниченной**.

Я указалъ вамъ дальше, подкрѣпляя свои положенія цѣлымъ рядомъ историческихъ справокъ, что вмѣстѣ съ ростомъ населенія въ странѣ усиливается и развитіе промышленнаго буржуазнаго производства, и тогда начинается перемѣщеніе взаимныхъ отношеній силъ въ пользу монархіи.

Когда же это промышленное, буржуазное производство становится главнымъ источникомъ общественнаго богатства, тогда выростаетъ абсолютная монархія,—

дворянство же низводится на степень простого украшенія престола.

Я указалъ вамъ затѣмъ, что при дальнѣйшемъ развитіи промышленности, достигающемъ, наконецъ, колоссальныхъ размѣровъ, при постоянномъ возрастаніи населенія, обусловленномъ этимъ же промышленнымъ развитіемъ,—наступаетъ моментъ, когда монархія, даже при помощи войска, не въ состояніи удержаться въ равновѣсіи съ этимъ расцвѣтомъ буржуазнаго могущества, и когда буржуазія, чувствуя себя истиннымъ обладателемъ общественной силы, начинаетъ требовать, чтобы сила эта примѣнялась и направлялась согласно ея волѣ. Поэтому въ обществѣ, реальныя отношенія силъ котораго, такимъ образомъ, измѣнились, неизбѣжно должно было наступить 18-го марта 1848 г.

Въ той же рѣчи я показалъ вамъ, почему, несмотря на все превосходство общественной силы буржуазіи, несмотря на внушительное проявленіе ея 18-го марта 1848 г., борьба еще не закончена и не можетъ кончиться.

Я показалъ вамъ, что общественная сила буржуазіи, при всей своей внушительности, есть сила неорганизованная; тогда какъ сила, находящаяся въ рукахъ правительства, хотя и значительно меньшая, правильно организована и дисциплинирована. Она въ каждый необходимый моментъ способна возобновить борьбу, и если буржуазія не воспользуется минутой своей побѣды, чтобы забрать въ руки силу организованную, то абсолютизмъ неизбѣжно улучитъ подходящій моментъ для возобновленія борьбы и надолго сократитъ силу буржуазіи, несмотря на все ея превосходство. Все это имѣло мѣсто у насъ, и вы знаете, когда именно: я говорю о контръ-революціи 1848 г.

Что же долженъ предпринять абсолютизмъ послѣ успѣшно совершенной имъ контръ-революціи?

Несомнѣнно, что онъ захочетъ продолжать свое существованіе. Но останется ли онъ въ своемъ старомъ видѣ,—голаго, неприкрашеннаго абсолютизма? Уничтожитъ ли онъ всякій намекъ на конституцію и будетъ одинъ безраздѣльно царить и властвовать надъ страной?

О, нѣтъ, храни Богъ! Онъ не настолько глупъ и наивенъ. Во время пораженія, нанесеннаго ему 18-го марта 1848 г., абсолютизмъ понялъ, что неорганизованная общественная сила буржуазіи значительно превосходитъ его собственную силу, и хотя онъ, абсолютизмъ, въ благопріятный моментъ нанесъ этой силѣ весьма чувствительный ударъ, однако, буржуазія, какъ и до того, осталась преобладающей, хотя и неорганизованной силой въ государствѣ.

Абсолютизмъ понялъ, что ежедневно можетъ возникнуть новый конфликтъ, могущій принести ему новое пораженіе, и если пораженіе это будетъ надлежащимъ образомъ использовано, то гибель его неизбѣжна. Признавъ превосходство общественной силы буржуазіи, абсолютизмъ началъ смутно соображать, что какъ человѣкъ производитъ на свѣтъ только человѣка, обезьяна только обезьяну, и всякое живое существо производитъ только такое же существо, по образу и подобію своему, такъ господствующая въ обществѣ неорганизованная сила, съ теченіемъ времени, неизбѣжно создастъ силу организованную (т. е. форму правленія), тоже по образу и подобію своему. Абсолютизмъ имѣетъ объ этомъ болѣе или менѣе смутное понятіе, такъ какъ государственные дѣятели, по преимуществу, люди практическіе и обладаютъ хорошимъ чутьемъ. Это подтверждается старой народной поговоркой, которая гласитъ: Wem Gott ein Amt giebt, dem giebt er auch Verstand *).

Въ сущности, вѣдь у каждаго чиновника создаются понятія сообразно занимаемой имъ должности; т. е. положеніе, въ которое ставитъ его должность, создаетъ у него пониманіе такихъ вещей, котораго у него раньше не было.

Старый дипломатъ Талейранъ сказалъ: «со штыками можно сдѣлать все—нельзя только сидѣть на нихъ!» Вы понимаете, конечно, господа, почему нельзя на нихъ сидѣть. Они воткнутся сидящему въ мясо. Талейранъ этой остротой хотѣлъ сказать, что штыками можно очень

---

*) Кому Господь даетъ должность, тому даетъ и разумъ.

скоро все сдѣлать, но создать изъ нихъ сколько нибудь прочное основаніе нельзя.

Абсолютизмъ, несмотря на всю свою неподатливость, вовсе не желаетъ влачить сомнительное существованіе, находиться въ постоянномъ противорѣчіи съ общественными отношеніями силъ и ежеминутно рисковать, что эти отношенія, подобно лавинѣ, обрушатся ему на грудь и раздавятъ его. Для продленія насколько возможно своего существованія у него имѣется только одно средство. Средство это—лжеконституціонализмъ. Вы знаете, конечно, въ чемъ онъ состоитъ. Абсолютизмъ дастъ конституцію, въ которой права народа и его представителей не обезпечены никакой реальной гарантіей и низведены до минимума. Такой конституціей абсолютизмъ уже заранѣе отнимаетъ у представителей народа частью возможность, частью желаніе стать въ независимое отъ него положеніе. Каждую попытку депутатовъ провести волю народа онъ клеймитъ названіемъ «парламентскаго режима»—какъ будто на самомъ дѣлѣ сущность каждаго, истинно конституціоннаго правительства заключается не въ парламентскомъ режимѣ.

Въ концѣ концовъ абсолютизмъ ставитъ себѣ за правило—считать несуществующимъ всякое независимое постановленіе народныхъ представителей, если только оно противорѣчитъ его желаніямъ. Однако, это рѣшеніе нисколько не мѣшаетъ ему сохранять наружный видъ конституціоннаго правленія.

Какъ только абсолютизмъ сдѣлалъ этотъ шагъ—превратился въ лжеконституціонализмъ—онъ пріобрѣлъ большую выгоду и на неопредѣленное время продлилъ свое существованіе. Если бы онъ хотѣлъ оставаться въ своемъ старомъ, неприкрашенномъ видѣ, онъ не могъ бы разсчитывать на долговѣчность.

Въ борьбѣ между нападающимъ народомъ и защищающимся правительствомъ всѣ выгоды и преимущества всегда стоятъ на сторонѣ нападающаго, такъ какъ онъ нападаетъ исключительно въ благопріятный для себя моментъ. Вотъ почему въ настоящемъ столѣтіи государственные перевороты большей частью удавались правительствамъ, а народу удавались революціи.

Итакъ, господа лжеконституціоналисмъ—это важно запомнить—не есть пріобрѣтеніе народа, а, напротивъ, исключительно пріобрѣтеніе абсолютизма, въ значительной мѣрѣ упрочивающее его положеніе. Лжеконституціонализмъ заключается, слѣдовательно, въ томъ, что правительство утверждаетъ то, чего нѣтъ. Оно объявляетъ государство конституціоннымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно абсолютно. Опъ заключается во лжи.

Противъ этой лжи и ея могущества есть простое и абсолютно вѣрное средство: это—раскрытіе лжи; и заключается оно въ томъ, чтобы разсѣять этотъ миражъ, сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее одураченіе и положить, такимъ образомъ, конецъ ея пагубному вліянію на народъ.

Оно состоитъ въ томъ, чтобы заставить правительство сбросить маску и явиться передъ міромъ въ своемъ истинномъ видѣ—абсолютнаго правительства.

Палата, сказалъ я, должна заявить то, что есть, и въ этомъ состоитъ средство, которое неизбѣжно приведетъ ее къ побѣдѣ. Это значитъ, что палата, тотчасъ по собраніи, должна принять рѣшеніе, которое я, для ясности формулирую, примѣрно, такъ: принимая во вниманіе, что палата не утвердила расходовъ на реорганизацію арміи; принимая во вниманіе, что, несмотря на это, правительство продолжаетъ послѣ этого рѣшенія, какъ и до него, дѣлать эти расходы; принимая во вниманіе, что пока это происходитъ, прусская конституція, во которой непринятые народомъ расходы не могутъ быть произведены,—является ложью; принимая во вниманіе, что при такихъ обстоятельствахъ и пока существуетъ такой порядокъ вещей, со стороны народныхъ представителей было бы недостойно продолжать засѣданія, принимать какія либо рѣшенія и, такимъ образомъ, принимать прямое участіе въ нарушеніи конституціи, содѣйствуя правительству въ сохраненіи имъ лишь внѣшняго конституціоннаго строя; въ виду всего этого палата постановляетъ прекратить свои собранія на неопредѣленное время и именно до тѣхъ поръ, пока правительство не представитъ доказа-

тельства, что оно прекратило непринятые палатой расходы.

Какъ только палата приметъ это рѣшеніе, правительство будетъ безусловно побѣждено. Объяснить это нетрудно на основаніи предыдущаго.

Палата имѣетъ неоспоримое право на такое постановленіе, и ни прокуроры, ни судьи не могутъ за это придраться къ ней. Правительство станетъ, такимъ образомъ, предъ простой альтернативой—уступить или не уступать.

Если оно не уступитъ, оно должно будетъ рѣшиться править страной безъ участія палаты, какъ государство абсолютное. Впрочемъ, у правительства остается еще выходъ: это распущеніе палаты. Но это средство едва ли заслуживаетъ упоминанія, такъ первоначально было бы его дѣйствіе.

Новые депутаты будутъ избраны съ тѣмъ же паролемъ, и новая палата не преминетъ тотчасъ же постановить точно такое же рѣшеніе. Поэтому правительству придется или уступить или рѣшиться на рѣдкія времена править страной безъ палаты. На послѣднее оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ рѣшиться. На это есть тысячи причинъ.

Посмотрите, господа, на Европу. Вездѣ, куда вы ни взглянете, всѣ государства имѣютъ конституціонный образъ правленія, за исключеніемъ Россіи, въ которой существуютъ совершенно не такія общественныя отношенія, какъ въ другихъ странахъ. Даже Наполеонъ не могъ обойти такъ называемаго конституціонализма и, поэтому, завелъ себѣ палату депутатовъ. Самый фактъ такой повсемѣстности конституціонныхъ формъ долженъ доказать вамъ, что въ современныхъ условіяхъ европейскихъ государствъ кроется причина, благодаря которой управленіе безъ этихъ формъ невозможно.

Посмотрите на Австрію, представляющую наиболѣе яркое доказательство всему сказанному мною.

Послѣ вооруженной контръ-революціи 1849 г. конституція въ Австріи была уничтожена. Не потому, что правительство было тамъ консервативнѣе и хуже нашего. Нѣтъ! Оно было только наивнѣе и не столь

ловко, какъ наше. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и австрійское правительство совершенно самостоятельно, безъ всякой революціи, безъ всякаго воздѣйствія со стороны народа, возстановило низложенную конституцію. Оно пришло къ убѣжденію, что безъ всякой конституціонной внѣшности, оставаясь чисто-абсолютнымъ, ему придется влачить сомнительное существованіе, рискуя ежедневно быть разбитымъ и уничтоженнымъ.

Согласитесь же, что для Пруссіи, именно для Пруссіи съ ея могущественной буржуазіей,—совершенно невозможно остаться одной во всей Европѣ безъ всякихъ конституціонныхъ формъ.

Подумайте теперь, какимъ слабымъ оказалось бы прусское правительство противъ другихъ, какимъ невозможнымъ и шаткимъ было бы его международное дипломатическое положеніе, какъ при каждомъ осложненіи ему пришлось бы молча сносить самые непріятные и обидные щелчки другихъ державъ, если-бъ оно открыто стало въ такое противорѣчіе со своимъ народомъ и, слѣдовательно, не могло бы ни отъ кого больше скрыть свою слабость.

Не подумайте только, господа, что эти разсужденія непатріотичны. Политическій дѣятель, такъ же какъ и естествоиспытатель, долженъ изслѣдовать все, что есть, и принять во вниманіе всѣ дѣйствующія силы.

Взаимный антагонизмъ государствъ, разница между ними, ихъ соревнованіе, конфликты въ дипломатическихъ сношеніяхъ—все это является дѣйствующей силой—и независимо отъ того, хороша она или дурна, ее безусловно должно принимать во вниманіе. Я часто имѣлъ случай, въ типи своего кабинета, за историческими изслѣдованіями, уяснить себѣ ту непреложную истину, что невозможно даже представить, на какой ступени варварства мы и вообще весь міръ стояли бы понынѣ, если-бъ съ незапамятныхъ временъ зависть и вражда отдѣльныхъ правительствъ не являлись бы могущественнѣйшимъ средствомъ для развитія ихъ внутренняго прогресса.

Наконецъ, господа, вѣдь существованіе германской

пацiи не настолько шатко и непрочно, чтобы низверженіе ихъ правительствъ грозило уничтоженіемъ и ей самой.

Если вы, господа, внимательно изучали исторію, вы должны были придти къ убѣжденію, что нашъ народъ выполнилъ великую и огромную культурную работу, указавшую другимъ народамъ Европы новые пути къ свѣту и прогрессу, сомнѣваться поэтому въ необходимости и несокрушимости нашего національнаго существованія—нѣтъ ровно никакихъ основаній.

Если-бъ мы были вовлечены въ большую внѣшнюю войну, то въ ней, конечно, могли бы исчезнуть отдѣльныя правительства наши: саксонское, прусское, баварское,—но изъ обломковъ этихъ правительствъ, какъ фениксъ изъ пепла, снова возсталъ бы великій германскій народъ, и онъ только и дорогъ намъ!

Перенесите, господа, свой взоръ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ на внутреннія—на финансовое положеніе страны.

20 лѣтъ тому назадъ, въ 1841 г., въ абсолютномъ государствѣ, общественный бюджетъ Пруссіи составлялъ 55 милліоновъ.

Теперь, въ 1863 г., бюджетъ правительства составляетъ 144 милліона. Такимъ образомъ въ продолженіе двадцати лѣтъ бюджетъ, податная тягость, увеличился въ три раза.

Правительство съ такимъ бюджетомъ, правительство, такъ безцеремонно залѣзающее въ карманъ каждаго гражданина, должно, по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ, что оно дѣйствуетъ съ согласія и одобренія всѣхъ.

Для простыхъ, старыхъ, патріархально-ограниченныхъ отношеній съ бюджетомъ въ 55 милліоновъ, болѣе пятой части котораго составляли доходы съ государственныхъ имуществъ, было вполнѣ достаточно патріархальнаго абсолютизма. Но 144-милліонный бюджетъ Пруссіи нельзя уже собирать посредствомъ простого указа. А, главное, вспомните, господа, тѣ положенія, которыя вытекаютъ изъ нашей теоріи. Об-

стоятельства, разсмотрѣнныя нами сейчасъ, являются только частными реальными слѣдствіями этихъ положеній.

Я говорилъ уже, что правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать въ явное и открытое противорѣчіе съ внутреннимъ состояніемъ общества.

Но если правительство все-таки захочетъ сдѣлать это, если оно станетъ править страной самодержавно, безъ участія палаты—заявленіе палаты о т о м ъ, ч т о е с т ь поможетъ только сорвать завѣсу съ истиннаго положенія дѣлъ и открыть карты правительства; тогда убѣдятся сомнѣвающіеся, ожесточатся индифферентные, и вся буржуазія объявитъ жестокую, непримиримую войну противъ правительства. Все общество превратится въ организованный заговоръ противъ него, и правительству останется только заняться астрологіей, чтобы по звѣздамъ вычислить день и часъ своего паденія. Такова сила в ы я с н е н і я т о г о, ч т о е с т ь.

Это могущественное политическое средство. Фихте въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ: „выясненіе того, что есть, было любимымъ средствомъ Наполеона, и онъ въ высокой степени обязанъ этому средству своими успѣхами“.

Всякое великое политическое дѣло состоитъ въ выясненіи того, что есть, и съ этого всегда начинается. Политическое малодушіе состоитъ въ замалчиваніи и скрываніи того, что есть.

Въ сущности, я долженъ былъ бы въ этой рѣчи заняться разоблаченіемъ очень тяжкихъ политическихъ преступленій, но я предпочитаю воздержаться отъ этого.

Въ послѣднее время, съ наступленіемъ новой эры, вожаки народной партіи въ прессѣ —вы, конечно, понимаете, что рѣчь идетъ о такъ называемой Volkszeitung— приняли систему заявленія того, ч е г о н ѣ т ъ; они исходили изъ той точки зрѣнія, что надо все скрывать, смягчать и затушевывать. Они думали: надо до тѣхъ поръ твердить правительству, что оно конституціонно, пока оно само увѣруетъ въ это. Они хотѣли, такимъ образомъ, обмануть правительство. Но всѣ реальные успѣхи въ жизни и исторіи достигаются посредствомъ

реальной обработки и передѣлки, а не путемъ обмана. Эти нѣмцы духомъ и не видѣли, что они, самъ того не желая, превратились въ агентовъ правительства, благодаря своему средству и вытекающимъ изъ него послѣдствіямъ. Это средство употребляетъ абсолютизмъ, облекаясь въ мантію лжеконституціонализма, и заявляя, такимъ образомъ, то, чего нѣтъ. Эти нѣмцы духомъ не знали послѣдствій своей системы. Они не видѣли, что повторяемая ими ежедневно въ своихъ газетахъ передъ правительствомъ ложь, будто оно конституціонно, проповѣдуется также и передъ народомъ и, въ концѣ концовъ, находитъ себѣ у него вѣру.

Эти нѣмцы духомъ не видѣли, что они, своей ложью только помогали правительству продолжать шагъ за шагомъ его шествіе по пути лжеконституціонализма, завершившееся, наконецъ, требованіемъ военныхъ преобразованій.

Они ободряли правительство, и оно само удивлялось тому довѣрію и репутаціи, которую они ему создали, и тому ореолу „новой эры“, которымъ они его окружили. Эти нѣмцы духомъ, ежедневно боровшіеся въ своихъ газетахъ съ безнравственностью, не видѣли, что ложь есть глубоко безнравственное средство, могущее служить въ политической борьбѣ только правительственному макіавельму, но отнюдь не интересать народа. Эти нѣмцы духомъ въ большой степени отвѣтственны за то, что дѣла дошли до нынѣшняго положенія! Это они своими возгласами: „Министры—честные люди! Довѣріе министрамъ!“ довели палату до того, что она дала лжеконституціонному министерству Шверина и Натова согласіе на временные расходы для реорганизаціи арміи, на расходы, которые тогда было гораздо легче отвергнуть. Они виноваты въ томъ, что реорганизація арміи была вообще предпринята, такъ какъ это было бы невозможно безъ принятія временныхъ расходовъ, слѣдовательно, они виноваты въ томъ, что мы стоимъ теперь передъ этимъ тяжелымъ конфликтомъ.

Но миръ прошелъ!

Зато теперь въ этой тяжелой борьбѣ настоящее

будемъ строги и ревностны, чтобы политикѣ обмана и утайванія снова не удалось лишить народа его правъ.

Я указалъ вамъ средство, которое приведетъ къ безусловной и вѣрной побѣдѣ народа.

Дѣйствуйте въ этомъ направленіи. Между народными представителями и общественнымъ мнѣніемъ необходимо должно установиться взаимодѣйствіе.

Сдѣлайте найденное нами средство своимъ агитаціоннымъ паролемъ. Распространяйте этотъ паролъ въ кругу своихъ знакомыхъ, въ общественныхъ и частныхъ мѣстахъ, проповѣдуйте его всюду, гдѣ только возможно.

Считайте всякаго, несогласнаго съ этимъ средствомъ сознательнымъ или безсознательнымъ врагомъ правaго дѣла. Это единственное средство, которымъ палата обладаетъ. Другого у нея нѣтъ и не можетъ быть.

Было бы плачевнымъ и пелѣпымъ заблужденіемъ думать, что палата, продолжая засѣданія и продолжая отвергать другія, хотя бы и в с ѣ требованія министерства, можетъ заставить его пойти на уступки. Если правительство попираетъ ногами, оставляетъ безъ всякаго вниманія первое, безспорно конституціонное, вполнѣ законное отклоненіе бюджета, то какимъ образомъ второе или третье отклоненіе бюджета той же палатой можетъ возымѣть дѣйствіе.

Наоборотъ, правительство только п р и в ы к н е т ъ смотрѣть на неудобныя ему постановленія палаты, какъ на нѣчто несуществующее. Къ этому привыкнетъ не только п р а в и т е л ь с т в о, но и н а р о д ъ. Эта прекрасная привычка относиться съ презрѣніемъ къ постановленіямъ палаты укоренится въ народѣ еще въ большей степени, чѣмъ въ правительствѣ, и это будетъ вполнѣ понятно.

Палата, закономѣрныя постановленія которой попираются ногами, и которая, несмотря на это, продолжаетъ имѣть дѣло съ правительствомъ, помогаетъ ему играть роль въ этой комедіи лжеконституціонализма, становится позорнымъ пособникомъ правительства, такъ какъ она даетъ ему возможность, подъ прикрытіемъ якобы конституціонныхъ формъ, нарушать конститу-

ціонныя права народа. Палата въ такомъ случаѣ является гораздо болѣе виновной, чѣмъ правительство.

Представитель моихъ правъ, предающій эти права, виновнѣе моего противника, нарушающаго ихъ.

Еще хуже было бы, если бъ парламентъ согласился на компромиссъ, напримѣръ, въ вопросѣ о двухлѣтнемъ срокѣ службы. Противъ этого, господа, протестуйте особенно энергично; въ этомъ вопросѣ вообще не можетъ быть компромиссовъ. Если бъ правительство предложило компромиссъ двухлѣтней службы и палата приняла бы его, то насущнѣйшіе интересы страны были бы пожертвованы и преданы ею ради пункта, который самъ по себѣ хотя не лишенъ нѣкотораго значенія, но сравнительно съ важностью всего вопроса является совершенно ничтожнымъ.

Дѣло въ томъ, что если реорганизація арміи, хотя бы съ ограниченіемъ срока службы двумя годами, будетъ принята, то Ландверъ, — все народное ополченіе, представляющее истинную силу страны, всякими правдами и неправдами будетъ преобразованъ въ боевой резервъ и отдано подъ начальство армейскихъ офицеровъ, и мы потеряемъ его. Передъ этимъ капитальнымъ вопросомъ — сумѣетъ ли страна сохранить свой Ландверъ или нѣтъ,—совершенно исчезаетъ вопросъ о томъ, долженъ ли солдатъ служить два года или три, а также и вопросъ о расходахъ. Но въ настоящее время даже вопросъ о Ландверѣ отошелъ на задній планъ.

На первомъ планѣ стоитъ основной конституціонный вопросъ: должно ли правительство прекратить расходы, непринятые палатой? До сихъ поръ правительство продолжало эти расходы, будто упомянутаго непринятія вовсе не было.

Если палата при такомъ положеніи вещей опустится до какого нибудь компромисса, напримѣръ, до 2-хъ-лѣтняго срока службы, то это будетъ уже не компромиссъ, а прямое предательство народнаго права. Тогда восторжествуетъ Бисмарковская государственно-правовая практика, гласящая: если правительство находится въ конфликтѣ съ конституціонными правами палаты, то послѣдняя должна уступить

Такое правило было бы неизбѣжно установлено изъ этого прецедента.

Смотрите же на каждаго говорящаго вамъ о компромиссѣ, какъ на опаснаго врага, еще болѣе опаснаго, если онъ говоритъ это безсознательно.

Наше средство, господа, есть во всякомъ случаѣ средство безвредное. Оно ничего не можетъ испортить— это ясно, какъ день. Если правительство такъ твердо рѣшилось на явно абсолютный образъ правленія, что не уступитъ даже послѣ подобной резолюціи палаты, то тѣмъ менѣе и даже еще меньше палата, продолжая свои засѣданія, можетъ заставить правительство отречься отъ своего лжеконституціонализма и пойти по правильной дорогѣ. Палата, продолжая свою дѣятельность, дастъ только въ руки правительства лишнее средство продолжать комедію лжеконституціонализма. Эта комедія гораздо вреднѣе даже чистаго абсолютизма. Она сбиваетъ съ толку народный смыслъ и какъ каждая, покоящаяся на лжи система управленія, развращаетъ народную нравственность. Средство это безвредно также для страны и для депутатовъ. Нужны только ясность мысли и энергія, чтобы рѣшиться на него, особенной же храбрости совсѣмъ не нужно. Единственная жертва, которую, можетъ быть, придется принести депутатамъ, это необходимость отказаться на нѣкоторое время отъ своего оффиціальнаго положенія.

Средство это, какъ я уже говорилъ вамъ, крайне необходимо и безусловно вѣрно. Поэтому можно предполагать, что правительство не устоитъ передъ нимъ.

Но, можетъ быть — и это было бы вамъ очень выгодно, господа, — оно уступитъ не сразу, а нѣкоторое время будетъ упираться, управляя страной безъ палаты.

Это было бы вамъ только выгодно, повторяю я, такъ какъ правительству потомъ придется еще больше склониться передъ величіемъ народа, если оно будетъ все-таки вынуждено уступить. Оно еще больше признаетъ превосходство надъ собой общественной силы буржуазіи тогда, когда ему придется склониться предъ народомъ и палатой.

-85к
6Fh
365

Вышли въ свѣтъ слѣдующія изданія:

	Цѣна.
К. Каутскій. «Экономическое ученіе Маркса».	» 30 к.
Э. Вандервельдъ. «Промышленное развитіе и общественный строй»	» 50 »
Клара Цеткина. «Женщина и ея экономическое положеніе». II изд.	» 7 »
Ф. Энгельсъ. «Къ критикѣ политической экономіи». II изд.	» 7 »
Его-же. «Отъ утопіи къ научной теоріи»	» 10 »
«Наемный Трудъ и Капиталъ», пер. съ нѣм	» 10 »
В. Гюго. «Клодъ Ге»	» 3 »
«Итоги 48-го года» (статьи изъ Новой Рейнской газеты)	» 10 »
Э. Вальянъ. Кризисъ и безработица	» 7 »
Ф. Лассаль. Принципы труда въ современномъ обществѣ	» 10 »
Законодательные акты Франціи. (Декларація правъ человѣка и гражданина. Конституціи 1791, 93, 1848, 75 гг.) Переводъ съ франц. съ предисловіемъ Р. Лемберкъ	» 20 »
Н. Рожковъ. О формахъ народнаго представительства	» 5 »
Г. Краузе. Происхожденіе антисемитизма въ Германіи	» 7 »
П. Лафаргъ. Проданный аппетитъ	» 3 »

Лица, выписывающія изъ главнаго склада, С.-Петербургъ, Ямская 36, за пересылку не платятъ.

Деньги просятъ высылать впередъ (можно и почтовыми марками).

Книгопродавцы пользуются безплатной пересылкой при заказахъ на сумму не менѣе 15 рублей (въ предѣлахъ Европейской Россіи и Кавказа).